
Пока горят фонари • Книга 3
ГОРОД, КОТОРОМУ МЫ НУЖНЫ
Марта Ровенская

Марта Ровенская
Город, которому мы нужны

https://litres.ru/74790738
SelfPub; 2026

Аннотация

У Эйры Вейл есть любимое дело, дом и Дарен Арвент, с которым она хочет строить будущее. Но Эверн ещё расплачивается за войну. Подрядчик ссылается на военный договор и требует передать ему управление защитными чарами города — и под угрозой оказываются ворота лечебницы, подача воды и свет на нижних улицах.

Чтобы проверить его требования, Эйра и Дарен отправляются в Таласс, где сохранился другой экземпляр документов. Пока Эйра ищет несоответствия в старых записях, Дарену приходится вновь готовиться к опасности, слишком знакомой человеку, потерявшему на войне весь взвод.

Впереди их ждут море, новая работа и возможность ненадолго оставить чужие заботы. Только Эйре трудно поверить, что город справится без неё, а Дарен больше не хочет откладывать жизнь до лучших времён. Им предстоит защитить Эверн и найти место для собственных желаний в доме, где их всегда кто-нибудь ждёт.

Заключительная книга трилогии «Пока горят фонари».

Содержание

Глава 1. Осенний обход 4
Глава 2. Стекло в мокрой ладони 16
Глава 3. Кому идти к воротам 27
Глава 4. Работа его отца 37
Глава 5. Гости под грушей 50
Глава 6. Шов в книге 61
Глава 7. Шесть мест на земле 72
Глава 8. Людям тоже нужно место 83
Конец ознакомительного фрагмента. 94

Марта Ровенская
Город, которому мы нужны

Глава 1. Осенний обход

Дарен положил грушу мне на раскрытую тетрадь, как раз между двумя заказами. Она была ещё твёрдая, с одним жёлтым боком и листом, прилипшим к короткому черешку. Я хотела убрать её, но сперва перечитала то, что успела написать. У вечернего часа стояло: «Подогнать крышку».

— Ты обещала прийти к шести, — сказал он.

— Я приду.

— С крышкой?

Он не улыбался; просто хотел знать, стоит ли заказывать еду. Накануне мы договорились ужинать в маленьком саду у старой красильни, пока там ещё ставили столы на воздухе. Я помнила скамьи, тёмные от воды, и пирог, который приносили прямо в форме. Оказалось, всё это прекрасно уживалось у меня в голове с намерением задержаться ещё на час в мастерской. Подогнать крышку было легко. Поэтому именно ей я уже отдала наш вечер.

Я зачеркнула запись.

— Без крышки. К шести.

— Тогда я зайду за тобой.

Дарен стоял босой, ещё не застегнув ворот рубашки. У виска остался след от подушки, и мне захотелось задержать его сейчас, когда он не успел стать преподавателем для своей утренней группы. Я поднялась, обошла стол и коснулась губами этого следа. Он положил руки мне на спину. Наш новый подхват держал занавеску у окна; широкая полоса света падала на пол, не доходя до нас. Внизу Ольда пересыпала груши из ведра в корзину. Плод ударял о плод с глухим, почти деревянным звуком.

— Ещё немного, — сказала я, когда он шевельнулся.

Мы постояли так. Мне нравилось чувствовать под ладонью его тёплую спину и знать, что не требуется ничего объяснять. Летом мы привыкли друг к другу в мелочах, которые раньше я только воображала: он придерживал дверь, когда я шла с мокрыми руками, я оставляла на столе последнее яблоко, потому что Дарен любил есть перед сном. Но иногда близость по-прежнему заставляла меня остановиться посреди обычного движения. Он был здесь. Я могла просто обнять его, не уходя потом в другой дом.

Дарен провёл пальцами по моим волосам и отстранился настолько, чтобы посмотреть в лицо.

— Мне сегодня надо раньше. У Орена освободили второй стол. Хочу успеть переставить макет.

— Тот, у которого уезжает груз?

— Теперь не уезжает. В этом и затруднение. Я починил его слишком хорошо.

Он произнёс это всерьёз и принялся искать ремень от сумки. Я помогла вытащить его из-под куртки. За дверью бывшей кладовой, где теперь стоял Даренов стол, лежали сложенные учебные листы. Он собирал их с вечера, но утром ещё раз просмотрел первые две страницы, одну отложил и вместо неё взял чистую.

Я разрезала грушу. Сок выступил только у сердцевины; ломтик хрустнул на зубах. На нашем подоконнике вечерница уже не цвела, зато в узкой коробке лежали её сухие семенные стручки. Ольда сказала не выбрасывать их, если мы хотим снова посадить цветы весной. Я оставила коробку рядом с горшком, не зная пока, куда её убрать на зиму.

— Ты сегодня далеко? — спросил Дарен, надевая сапоги.

— Нижняя улица. Ремис просил пройти с ним весь участок. Потом две замены, если пустят во дворы.

— Если пустят?

— У зернового двора снова сменился смотритель. Ремис говорил, что теперь каждый вход записывают.

Дарен кивнул. Он уже слышал достаточно таких историй, чтобы не принимать новый замок за бедствие. Я тоже. Мы поцеловались у двери; потом он вернулся за забытым свёртком с хлебом, и я увидела, как, спускаясь, он осторожно перехватил учебный ящик, не нагружая левое плечо.

После его ухода я ещё несколько минут стояла у окна. Осень только начиналась: груша оставалась зелёной, зато земля под ней была усыпана мелкими жёлтыми пятнами.

Ольда подняла голову и попросила вечером принести ей соли, если пойду мимо лавки. Я согласилась, записала на отдельной бумажке и закрыла рабочую тетрадь.

***

На служебной калитке висел замок размером с мой кулак. Его жёлтая дужка была совсем новая, а доски вокруг старой щеколды потемнели от ладоней. Через эту калитку мы с Ниланом весной заносили лестницу. Теперь Ремис держал её за верхнюю перекладину, а я стояла с ящиком прокладок и смотрела на человека по ту сторону.

— Проход только по разрешению хозяина, — повторил смотритель.

— Здесь городская лампа, — сказал Ремис. — В книге вашего двора есть запись об обслуживании. Мы пришли заменить внешний уплотнитель.

— Я книгу принял без этой страницы.

У мужчины были красные веки и серый воротник, слишком тесный для его шеи. Из глубины двора звали разгрузить муку. Он оглядывался туда после каждой нашей реплики. Возможно, ему просто не хотелось впускать незнакомых людей, пока он отвечал за чужой товар. Я достала удостоверение, развернула перед прутьями верхней решётки. Смотритель прочёл имя, затем ещё раз — слово «мастер», но к замку не потянулся.

— К вам у меня ничего. Хозяин велел требовать право прохода. Не умение чинить, а право.

Ремис переставил лестницу, чтобы не загораживать улицу. С крыльца напротив спустилась женщина с двумя пустыми корзинами; мы подались к стене, пропуская её. Возле самого фонаря вода стекала по камню узкой полосой. После вчерашнего дождя в нижнем углу стекла оставалось мутное пятно. Оправа была исправна, заряд набирался, но уплотнитель надо было сменить до следующей сырой недели. Для этого требовалось подняться со двора: с улицы лестница вставала прямо на край разбитого стока.

— Пусть выйдет хозяин, — попросила я.

— Он после полудня будет.

— А мы договаривались на утро.

Смотритель развёл руками. Я почувствовала, как вспотела ладонь на ручке ящика. Мы могли ждать, могли заново нести лестницу за два квартала, могли попытаться пристроить её над стоком. Последнее сразу показалось самым простым. Я даже посмотрела на сохранившуюся каменную плиту, прикидывая ширину, и только потом остановила себя. Нельзя было делать неудобный доступ нормальным лишь потому, что мне не хотелось спорить ещё раз.

Ремис попросил смотрителя позвать старшего грузчика. Тот пришёл, вытирая лоб предплечьем, и узнал меня. Лампа позволяла ему не спускаться с мешком в темноту в конце смены; весной именно он держал нижнюю ступень нашей лестницы.

— Впустите их, — сказал он. — Я постою.

— Мне этого не разрешали.

— Так и я здесь старший не на улице.

Смотритель не ответил. Грузчик выругался себе под нос и ушёл. Я осталась с неприятным чувством, будто мы вынудили двух людей ссориться из-за прокладки ценой меньше марки. Ремис записал время и отказ на обороте своего листа. Потом предложил пройти остальные места, пока хозяин не вернулся.

У хлебных рядов нас пропустили сразу. Я проверила крышку, очистила желоб от пыли и заметила под одним лепестком птичье перо. Продавщица спросила, хватит ли света на короткие зимние дни. Я объяснила, сколько часов обещает нынешний запас и почему зарядный кожух надо очищать даже тогда, когда лампа кажется чистой. Она слушала внимательно, но при словах о тёмных вечерах помрачнела.

— У меня покупатели позже стали приходить. До войны так было. Я уж подумала, снова можно.

— Можно, — сказала я. — Только в самые короткие дни не до ночи. Я оставлю вам время по месяцам.

Она кивнула и сунула мне в свободную руку хлебный край. Отказываться было неловко: хлеб она уже отломила от своего. Мы разделили его с Ремисом у следующего двора. Он ел, придерживая папку локтем, и рассказывал о летнем уведомлении комиссии, к которому я приложила схемы ещё в начале жары.

— Теперь хотят видеть и место прохода, — сказал он. —

Где городское, где частное, какие соглашения сохранились. По этим шести основаниям отдельно.

— Шести? В уведомлении не было числа.

— В новом приложении есть. Завтра принесу. Не ваши шесть ламп, Эйра. Старые узлы. На них много чего поставили потом.

Я посмотрела назад на улицу. Внешне основания отличались друг от друга: камень, чугунная пятка, поздний хомут. Мы использовали пригодные крепления после осмотра, не соединяя рисунок нового света со старым защитным контуром. Что именно объединяло их для комиссии, из летней бумаги было неясно.

— Приёмки остаются? — спросила я.

— Конечно. Речь про имущество и доступ. Хотя люди уже услышали другое.

У ворот зернового двора к нашему возвращению стоял хозяин. Он оказался невысоким мужчиной с мучной пылью на манжетах: работал рядом со своими людьми, а не ждал за письменным столом. Ремис поздоровался с ним по имени. Я поставила ящик на землю и ещё раз объяснила, зачем нам нужен двор.

— Лампу чините, — сказал хозяин. — Мне тёмный вход ни к чему. Но постоянный ход через мой двор я не подписывал.

— Весной подписывали доступ по предварительному извещению, — ответил Ремис. — Вы получили его три дня на-

зад.

— Я подписывал установку. Потом оказалось, что старый подрядчик требует всё основание вместе с проходом. Так я теперь хочу знать, кому отдам ключ.

Он вынул из кармана небольшой сложенный лист. На сгибе бумага была продавлена ногтем. Я успела прочитать «товарищество Тейнов» и «обслуживание», прежде чем хозяин передал лист Ремису.

— Никому не отдавайте, пока не разберутся, — сказала я. — Нам на сегодня нужен человек, который откроет и закроет калитку. Мы не унесём ваш ключ.

Хозяин посмотрел на меня, потом на часы над дверью конторы.

— До конца разгрузки. После двор закрывается.

Мы потеряли больше двух часов, а сама замена заняла меньше получаса. Смотритель держал калитку открытой, пока мы вносили лестницу; хозяин вернулся к мешкам. Я работала, стараясь не оглядываться на грузчиков, которым приходилось обходить наш ящик. Уплотнитель действительно размок в нижнем углу. Я сняла его целиком, показала Ремису и поставила новый. Световой рисунок под крышкой остался сухим.

Перед уходом смотритель попросил подождать, пока он закончит запись. На странице появились наши имена и время выхода. Я расписалась, не споря, а Ремис взял у хозяина разрешение повторить осмотр после следующего дождя. На

этот раз тот написал его на отдельном листе.

В мастерскую я вернулась поздно. Тесса уже закончила свою работу, но оставалась у окна: ждала, пока схватится состав на двух маленьких ножках. На моём столе лежала та самая крышка. Я взяла её, приложила к оправе и сразу увидела, где нужно снять лишнее. Десять минут, если рука не устанет. Ещё столько же на проверку.

Тесса подняла голову.

— Вам передавали, что господин Арвент зайдёт к шести.

— Я знаю.

Я поставила крышку на место. До шести оставалось достаточно времени, чтобы вымыть руки и купить Ольде соль.

***

На следующий вечер письмо Веды лежало у Дарена возле локтя, пока он разбирал привезённые с урока деревянные детали. Я заметила конверт сразу, но сперва отнесла в спальню чистое бельё и переоделась. После вчерашнего ужина в саду у меня ещё сохранялось ощущение чужого тёплого стола, куда не надо было самой ставить кастрюлю. Хотелось продлить его хотя бы тем, что сегодня мы никуда не спешили.

— Они выехали? — спросила я.

— По письму — должны были вчера. Девять дней дороги, если обоз не задержится. Веда просит не встречать за городом. Хочет сначала доехать, а потом уже увидеть всех.

Он подвинул лист. Веда писала, что Томас закончил большой переплётный заказ, но взял с собой две небольшие кни-

ги для талласского купца, который проездом будет в Эверне. После девяти дней сидения на телеге Томасу захочется пройтись, поэтому не следовало заранее назначать ему отдых. Веда, напротив, собиралась сначала вымыться и поспать. Внизу стояло: «Если получится задержаться до двенадцатого дня от нашего выезда, это будет совсем хорошо».

Я села напротив Дарена и подсчитала. Они должны были приехать через неделю, в день, когда у меня не было установки. На следующий день намечался осмотр двух настенных приборов. Его можно было перенести, если написать сейчас, а не накануне.

— Я освобожу два дня, — сказала я.

— Полностью?

Я почувствовала укол раздражения, хотя вопрос был справедливый. После утра с крышкой он имел право уточнить.

— Да. На первый и следующий. Потом у меня будет архив, если подтвердят время.

Дарен кивнул, не продолжая. Он взял один из деревянных брусков, провёл большим пальцем по краю и положил в ящик.

— Хочу показать Веде дом. Не знаю, почему это так важно. Она и раньше знала, где я живу.

— Здесь можно остаться.

— Да.

Он посмотрел в открытую дверь своей маленькой комна-

ты. Там на полке стояла книга с кожаной закладкой Веды. Я видела только угол обложки, но знала рисунок озера внутри. Мне вдруг стало жаль, что сестра не могла быть с ним в простом сегодняшнем вечере: увидеть, как он оставляет работу, как ждёт меня к ужину, как сердится на заедающий ящик. Письмо вмещало слишком мало жизни.

— Мы поставим раскладную постель в большой комнате, — предложила я. — Ольда обещала одолжить. Стул придётся перенести к тебе.

— И стол подвинуть.

— Только мой. Твой там некуда.

Мы встали проверить. Дарен придержал край стола, я вытащила коробку с бумагами из-под ножки. Под ней нашлась старая булавка, которой летом была приколота временная занавеска. Я подняла её и положила к ниткам. Потом мы подвинули стол на ширину ладони и поняли, что места хватит, если убрать стул.

У дверей лежала принесённая Ремисом папка. В ней были новые требования комиссии и просьба явиться на предварительный разбор. Я подняла её, намереваясь хотя бы посмотреть дату. Дарен стоял возле окна и разглаживал смятый край занавески. Мне хотелось попросить его прочесть всё вместе со мной; от его спокойного голоса бумаги обычно становились понятнее. Но он уже отвёл для меня вечер. И я сама только что решила оставить семье два дня, которых ещё даже не было.

Я вынула приглашение, проверила число и убрала остальное на свой стол.

— Завтра, — сказала я, больше себе.

Дарен повернулся.

— Что завтра?

— Ремисова папка. Сейчас хочу посидеть.

Он принёс с кухни две чашки, а я разрезала последние сливы. Мы устроились у окна боком к столу, чтобы видеть двор. Ольда укрывала корзину с грушами старым полотном. На верхней ветке остался один большой плод; она посмотрела на него и махнула рукой.

Дарен начал рассказывать, как Веда в детстве боялась высоких лестниц и всё же каждый год первой лезла собирать поздние яблоки. Я спросила, почему он никогда раньше не говорил об этом. Он пожал плечами: вспомнилось сейчас, у окна. Я положила ноги на нижнюю перекладину его стула и слушала. Вскоре он взял мою руку и продолжил рассказ, перебирая пальцы, словно не замечая собственного движения.

Вечер остался у нас целиком.

Глава 2. Стекло в мокрой ладони

Иллен держала осколок в переднике. Когда я протянула руку, она сперва обтёрла его угол, словно от этого можно было сделать стекло безопаснее.

— Не трогайте край, — попросила я. — Кладите сюда.

Я раскрыла на ступеньке плотную ткань. Осколок был от наружного лепестка фонаря, длинный, с трещиной у крепления. Иллен сказала, что услышала звон ночью, после дождя. Камень или сучок она не нашла. На стене под фонарём остался след удара, и этого пока хватало для ремонта. Искать виновного по одной царапине я не собиралась.

Рион стоял чуть выше, прижав к груди книгу.

— Сегодня почините?

— Сначала сниму повреждённое. Потом посмотрю, что есть на замену.

— Мне надо вернуть книгу. Он до темноты ждёт.

Я подумала о переплётчике, который вёл книгу осмотров, но Рион пояснил: товарищ одолжил ему историю о большом корабле. Последнюю главу он ещё не дочитал. Иллен сказала, что можно сходить и завтра; мальчик так крепко сжал обложку, что я отвела взгляд. Ему хотелось выполнить обещание сегодня. Фонарь, который для меня состоял из осмотренных частей, успел стать частью чужой договорённости.

Ремис пришёл с городским рабочим. Они принесли ко-

роткую лестницу и деревянное ограждение, которое пришлось поставить поперёк верхней ступени. Проход был узкий. Пока рабочий закреплял нижнюю опору, я попросила Иллен отвести соседей через двор. Она нахмурилась.

— Там ступень у подвала. Не ставьте на неё ещё одну ногу, она и человека держит плохо.

Она показала место, до которого не доходил дневной свет. Под тесаной плитой виднелась пустота; из неё тянуло сырым луком. Кто-то хранил в старом подвале овощи, хотя вход давно подпирали досками.

Мы перенесли ограждение. Ремис записал повреждение ступени отдельно от моей заявки. Рабочий спросил, не надо ли заодно вскрыть землю у основания: все равно лестница уже здесь. Я отказалась. Под нами была неизвестная пустота, а я пришла менять стекло. Поиск старых связей должен был начинаться не с лопаты.

Сняв защитный кожух, я закрыла световой контур и проверила запас. Прибор набрал достаточно дневной силы; повреждение не затронуло ни зерно, ни внутренний рисунок. Осколки легли в ткань один за другим. Самый маленький застрял в пазу, и я доставала его деревянной лопаткой, не желая царапать посадочное место. На сгибе запястья заныло. Рубец почти сравнялся цветом с кожей, но при долгом повороте руки ещё напоминал о себе.

— Поддержите снизу, — попросила я рабочего.

Он принял пустой кожух. Теперь основание было видно

целиком. Ниже моего изолирующего кольца шла старая тёмная насечка; при летней установке она выглядела погашенной и относилась к другому, закрытому пути. Я наклонилась, проверяя сухость стыка, и на миг увидела в её конце слабую белую точку.

Я замерла. Точка пропала.

— Ремис, посмотрите сюда.

Он поднялся на две ступеньки, не приближаясь к открытой оправе. Мы дождались нового отклика. Насечка посветлела с одного конца, потом угасла, как отметка на контрольной полосе после короткой команды. Лампа всё это время оставалась выключенной, её собственный запас не менялся.

— Это от неё? — спросил Ремис.

— Не похоже. Но я ещё не проверила.

Иллен слушала снизу. Я видела её пальцы на ограждении и не хотела, чтобы полузнание успело напугать двор раньше нас. Объяснила, что фонарь исправен, кроме наружного стекла, а метка принадлежит старому основанию. Затем спустилась за своим контрольным листом. Мы могли безопасно снять ещё одно показание, не подавая ничего в неизвестный путь. Я отделила местную пробу от старого крепления, Ремис отметил время. Белая точка появилась снова, хотя моя оправа уже лежала на подкладке в руках рабочего.

Значит, дело было вне лампы.

Я испытала облегчение, за которым сразу пришло другое чувство: на знакомой лестнице вдруг оказалось больше неиз-

вестного, чем утром. Насечка не должна была получать команду от нашего света. Откуда она приходила, я не знала. Под старыми плитами могли сохраняться подготовленные полосы; простой соседней лампы для такого отклика было недостаточно.

— Запишем отдельно, — сказала я. — Ничего здесь не разрываем.

Ремис зарисовал положение насечки, а я сверила запись. Потом вернула оправу на место, закрыла наружный путь от влаги и закрепила временную защиту на повреждённой стороне. Пользоваться лампой можно было в ограниченном режиме после проверки остальных частей; полностью вернуть свет я обещала на следующий вечер, если подойдёт стекло.

— А книгу можно сейчас отнести, — сказала Иллен Риону. — Пока они лестницу убирают.

Он помедлил, потом побежал домой за курткой. Я смотрела ему вслед и думала, что, наверное, он всё-таки не дочитал. Чужой день уже не складывался так, как он хотел, хотя я ещё ничего не сломала и никого не оставила в полной темноте.

***

У сестёр пахло золой и мокрыми досками. Селин встретила меня у полки с готовыми изделиями и сразу заметила ткань с осколками.

— Сколько?

— Один лепесток. Наружный. Посадочное место цело.

— Покажи.

Она развернула ткань на своём столе. Я вынула сохранённый целый лепесток для сравнения. Селин приложила к нему заготовку с полки, провела ногтем вдоль края и отложила. Вторая на вид подходила лучше. Я уже потянулась за ней, но Селин покачала головой.

— Подожди. У этой край выше.

Разница была меньше ширины ногтя. На столе она казалась ничтожной; в кольце прижимная планка легла бы на одну сторону раньше другой. Я знала это не хуже Селин, но очень хотела успеть сегодня. Пришлось убрать руку.

Нира сидела у соседнего окна и наносила знак на дно маленькой чаши. Перед ней стоял ряд таких же — узких, почти прозрачных у края, с плотным зелёным основанием. Она не подошла сразу, закончив букву.

— На завтра есть место? — спросила я.

— На завтра — после моей партии, — ответила она.

Селин открыла книгу у печи. В ней теперь стояли не только дни обжига, но и время остывания, очередь форм, имена тех, кому обещали выдачу. Я помнила, сколько пустого места было в первых строках. Теперь страница была плотно исписана, и почему-то мне стало труднее просить.

— Один лепесток, — сказала я. — Если поставить с краю?

Нира подняла голову.

— Мне нужны ровные края у всех чаш. На пробе с лишней формой крайняя вышла мутной. Я за неё уже вернула деньги.

В её голосе не было обиды, только усталое нетерпение: ей приходилось второй раз объяснять то, что было записано в книге. Я посмотрела на чашу в её руках. Под зелёным основанием было маленькое углубление для большого пальца. Нира делала его на каждой вещи отдельно, и мне захотелось взять чашу, проверить, как удобно она ляжет в ладонь. Но сейчас это выглядело бы как попытка смягчить отказ похвалой.

— Хорошо, — сказала я. — Вашу партию не трогаем. Когда после неё?

Селин подсчитала время. Можно было подогнать подходящую старую заготовку без нового обжига: убрать лишнее по внешнему краю, затем проверить, не повредился ли изгиб. Работа тонкая, не на пять минут. Она назвала цену, включив время Ниры на контроль.

Я согласилась. Только после этого попросила посмотреть чашу.

Нира подала её мне. Стекло оказалось прохладным, тонким у губ; пальцу действительно было куда лечь. Я повернула чашу к окну. На просвет зелень почти исчезала, оставаясь в самом низу. Это была вещь, которую хотелось поставить дома, а не только признать удачным образцом.

— Такие все заказаны?

— Шесть. Ещё две делаю на продажу.

— Оставь мне одну, если получится. Я заплачу отдельно.

Она кивнула и записала моё имя. Я не стала выбирать

цвет: хотелось именно этот, неуловимый при другом свете.

Пока Селин готовила рабочее место, я помогла перенести пустые ящики из прохода. На её столе лежал счёт за топливо. Цифру она прикрыла книгой, но не раньше, чем я увидела итог.

— Подорожало?

— Доставка. Мальрен разрешил второй навес, зато возчик теперь делает крюк вокруг ремонта. Ему платим за дорогу, не за наши оправдания.

Она закрепила заготовку и поднесла её к свету.

— Мы с Нирой думали, что самое трудное — дождаться своей печи. А теперь у нас всё время что-нибудь уже обещано.

— Ты жалеешь?

Селин долго не отвечала. Я слышала, как за стеной Нира переставляет формы, осторожно опуская каждую на деревянную полку.

— Нет. Но иногда хочу прийти утром и сделать только одну вещь. Как раньше, когда никто не спрашивал, сколько выйдет в партии.

Она взялась за стекло. Я осталась рядом до первого примеривания, подавая ткань и поворачивая кольцо. Подогнанный лепесток вошёл без нажима, но мы всё равно сняли его и проверили край ещё раз. На следующий день я забрала готовую замену, а Селин записала оплату в открытую книгу. Чаша Ниры осталась на полке остывать; мне велели прийти

за ней позже, когда она выдержит свой срок.

У Иллен мы поставили стекло после полудня. Ремис снова увидел внешний отклик старой насечки и забрал наши записи для отдельного осмотра основания. Лампа выдержала проверку: свет распределялся ровно, запас соответствовал дневной зарядке. Переплётчик вписал замену в книгу, Иллен убрала ограждение. Рион пришёл уже без чужой книги.

— Дочитал? — спросила я.

Он покачал головой.

— Он завтра снова даст. Ему самому надо было узнать конец.

Мальчик остановился у ступени, где летом любил сидеть, и провёл по ней ладонью, проверяя, высох ли камень.

***

Дарен ждал меня не у мастерской, а у маленького моста выше рынка. Мы так договорились утром: каждый придёт своей дорогой. Я увидела его раньше, чем он меня, и несколько шагов шла медленнее. Он стоял лицом к воде, положив предплечья на перила, и смотрел на две лодки у дальнего берега. Мне нравилась эта возможность увидеть его без собственного отражения в его лице.

Потом он обернулся, и я ускорила шаг.

— Замена встала? — спросил он.

— Да. И я заказала нам чашу.

— Ещё одну?

— Красивую. Для чего-нибудь холодного. Покажу, когда

заберу.

Он взял меня за руку. Мы пошли вдоль воды, туда, где кончались прилавки и начинались длинные садовые ограды. Я рассказала про стекло и старую насечку, но скоро остановилась: всё, что я знала, уже было сказано, а повторять неизвестное не хотелось.

— Как урок?

Дарен не сразу ответил. Переступил через торчащий корень, придержал меня за локоть, хотя я видела его сама.

— Один человек наконец перестал угадывать, чего я от него хочу.

— Это плохо?

— Очень хорошо. Я дал им крепление с неверной отметкой. Он долго смотрел, потом сказал, что в таком положении закреплять не будет. Даже если я велю.

— И ты велел?

— Нет. Спросил, почему. Он показал. У него руки всё время дрожали, но объяснил верно.

Я слышала в Дареновом голосе удовольствие, которое не было ни облегчением после беды, ни гордостью собственной правотой. Ему понравилось, что другой человек научился. Он стал рассказывать подробнее: как ученик перепутал две опоры на прошлом занятии, как другие поторопились согласиться, а потом сами увидели ошибку. Я спросила, не хочет ли он нарисовать им схему с разрезом. Дарен покачал головой.

— Хочу дать сделать. Бумага у меня есть. Если принесу готовую, они опять будут смотреть на мои линии.

— Я бы тоже смотрела.

— Ты бы сначала разобрала макет.

Он сказал это с такой уверенностью, что я невольно улыбнулась. Дарен сжал мою руку. Мы дошли до места, где ограда отступала от берега, и сели на траву, подстелив его куртку. Она оказалась слишком узкой для двоих, поэтому я придвинулась ближе. От воды тянуло холодом; я убрала ноги под юбку и прижалась плечом к его боку.

Некоторое время мы смотрели, как лодочник вычерпывает воду из лодки. Он работал без спешки, с раздражающей меня экономией движений: полная кружка, взмах за борт, снова наклон. Я привыкла, что работу у реки сопровождает ожидание чего-то ещё. Сегодня лодка просто набрала дождевой воды. Дарен положил подбородок мне на макушку, и я перестала следить за кружкой.

— Ты сегодня довольный, — сказала я.

— Да. Устал, но доволен.

Я повернулась к нему. Он поцеловал меня сперва в висок, затем, когда я подняла лицо, в губы. Рука, на которую я опиралась, быстро затекла; я убрала её и обняла Дарена за шею. Он наклонился ко мне, и на какое-то время неудобная земля, холодная вода и поздний час перестали требовать внимания.

Когда мы поднялись, на его куртке остались травинки. Я снимала их одну за другой, а он держал ткань передо мной.

Потом надел куртку и предложил пойти длинной дорогой, через верхний мост. Там ещё было светло. Я согласилась, хотя домой можно было добраться гораздо быстрее.

Глава 3. Кому идти к воротам

В трактире у западной дороги подавали жареную рыбу с кислой зеленью. Я выбрала её, ещё не зная цены, и только потом заглянула в нижнюю строку. Дарен заметил, куда я посмотрела, но ничего не сказал. Мы оба теперь считали деньги иначе, чем в начале лета: его занятия приносили меньше прежней службы, мои заказы редко оплачивались целиком вперёд. На этот ужин деньги были отложены. Всё равно я успела подумать, что за ту же сумму можно было поесть дома несколько раз.

Когда принесли блюдо, жалеть стало трудно. Рыба лежала на тёплой керамике, кожа под вилкой разошлась с лёгким треском. Я попробовала кусочек, потом пододвинула тарелку Дарену. Он наклонился ко мне, и я накормила его с собственной вилки, прежде чем вспомнила, что вокруг люди. За соседним столом спорили о цене шерсти, хозяин нёс поднос, у дверей отряхивали плащ. Никого не занимала моя вилка.

Дарен достал из сумки книгу об озёрах.

— Я нашёл место, которое хотел показать.

Он раскрыл её не там, где стояла Ведина закладка, а ближе к концу. На странице был рисунок берега: пологий спуск, деревья, небольшой дом и человек с длинной удочкой. Подпись обещала постоялый двор с тремя комнатами и лодкой для гостей. Слова «три комнаты» мне понравились больше

лодки. Я сразу представила, как просыпаюсь и не слышу никого за стеной, кроме Дарена.

— Здесь далеко от дороги? — спросила я.

— В описании полчаса пешком. Повозку оставляют у хозяина на верхнем дворе.

— А если дождь?

— Придётся идти под дождём.

Я провела пальцем по нарисованной тропинке. На ней не было ни грязи, ни подъёмов, только короткие ровные штрихи. Дарен перелистнул назад и показал описание. Старый автор жаловался как раз на тропу: после дождя она размывалась, но хозяин обещал подсыпать камень. Книга была напечатана раньше войны. Я прочла дату, и мы оба замолчали.

— Двор мог сохраниться, — сказал Дарен. — А мог и нет. Можно узнать ближе к весне.

— Я всё равно хочу к воде. Даже если жить придётся в другом месте.

Он посмотрел на меня поверх книги.

— Я тоже. На несколько дней, не на один вечер.

Мне стало тепло от этой простой настойчивости. Не «когда-нибудь», сказанное на рынке из-за красивого рисунка, а несколько дней, которые он хотел провести со мной. Я придвинула книгу, удерживая край страницы, пока Дарен ел. У воды были обозначены ещё две деревни; одна стояла на холме, другая у самой кромки. Я выбрала нижнюю, он — ту, откуда дальше видно. Мы обсуждали, что приятнее утром:

выйти прямо к озеру или идти к нему по пустой дороге. Никакого решения не требовалось, и от этого разговор становился свободнее.

Потом я спросила, хотел бы он научиться грести. Дарен сказал, что умеет, но плохо, и что в лодке у него быстро устаёт плечо. Я представила нас посреди озера: он показывает движение, я упрямо пытаюсь сделать как надо, а лодка поворачивается на месте. Эта картина была настолько живой, что я рассмеялась от радости, не объясняя почему.

— Что? — спросил он.

— Хочу, чтобы мы поехали.

Он закрыл книгу, оставив палец между страницами.

— Поедем.

Мы не стали тут же считать дни и расходы. До весны оставалась зима; сегодня на столе была остывающая рыба, и Дарен своим большим пальцем проводил по моей ладони. Хозяин принёс ещё хлеба. Я отломила кусок и вдруг рассказала, как в детстве завидовала людям, которые уезжали из города с пустыми корзинами: мне казалось, они могут привезти всё, что захотят. Я сама всегда ехала по чьему-то поручению и заранее знала, чем будет занято место.

— А теперь что привезёшь? — спросил Дарен.

Я посмотрела на рисунок, торчащий из закрытой книги.

— Пока не знаю.

После ужина мы постояли у коновязи, ожидая, пока мимо пройдёт повозка. Дарен застегнул мне верхнюю пуговицу

плаща: пальцы у меня были заняты книгой. Я подняла подбородок, и он поцеловал меня в открытый участок шеи над воротом. Коротко, почти незаметно для улицы. Я на мгновение закрыла глаза, а потом взяла его под руку. Мы пошли домой через жилые дворы, где уже гасили огни.

***

Утром Марен не разрешила ставить привезённую партию на прежнее место.

— Там стена отсырела. На средний стол, — сказала она возчику. — Нет, не на мой стул. На стол.

Лора подхватила второй ящик с другой стороны. Я вошла как раз вовремя, чтобы открыть им дверь шире. В помещении пахло сырой штукатуркой, но мешки были сухими: возчик накрыл груз дважды, и теперь требовал расписаться ещё и за полотно, которое хотел увезти обратно.

Марен выдала ему полотно после осмотра, пересчитала места и пригласила нас к весам. Очередная малая поставка пришла из Каменного Брода без задержки, однако в сопроводительном письме Нарис не обещала, что следующий отпуск будет таким же. Нижняя выработка работала неровно. Мы уже не записывали будущий материал как собственный только потому, что отправили запрос.

Дарса Нель пришла за платой за следующий срок найма. Она несла под мышкой свернутый коврик и явно торопилась. Пока Марен сверяла наши доли, Дарса разложила на столе два экземпляра продления. У старого соглашения кончались

три месяца; новый срок включал позднюю осень и начало зимы. Плата оставалась прежней, зато ремонт водостока брала на себя хозяйка. Марен заставила вписать, до какого дня.

— Не могу обещать, когда у кровельщика будут руки, — сказала Дарса.

— Тогда я не могу обещать сухой склад возле этой стены.

Дарса посмотрела на отодвинутый ящик, пощупала штукатурку и назвала день, к которому хотя бы временный отвод будет сделан. На этом они сошлись. Мы подписали продление каждый за свою долю, Марен выдала общую оплату из заранее внесённых денег. Резервный ключ по-прежнему оставался опечатанным у Бренна; новой хозяйке запасов не понадобилось ещё раз объяснять, зачем.

Лора открыла свою заявку. Ей полагался материал на два ремонта и небольшой запас для насоса. Я смотрела, как Марен отмеряет зерно, и мысленно прикидывала, сколько могла бы предложить городу, если старые узлы потребуют переделки. Две мерки отсюда, ещё немного из артельной доли — казалось, на первый опыт достаточно.

— Твоё здесь? — спросила Лора, заметив мой взгляд.

— Нет. Я считала, сколько всего осталось.

Она завязала свой мешок.

— У меня всё записано. Это не свободное.

Я хотела сказать, что ничего не просила, но это было бы не вполне честно. Просьба уже сложилась, просто я не успела произнести её вслух.

— Понимаю, — сказала я. — Я только ищу, с чего начинать, если понадобится работа.

— С заявки. И с денег. Мне тоже.

Она не сердилась. Села на край скамьи и передохнула, прежде чем поднять сумку. Новый инструмент, о котором Лора говорила летом, она всё ещё не купила. Сегодня ей пришлось взять у соседа ключ нужного размера и оставить залог.

Я помогла ей уложить материал так, чтобы шов не тёр плечо. Лора попросила проводить её до угла: по дороге хотела спросить о маленьком сигнальном окне на насосе. Мы обсудили стекло и срок, затем она повернула к своему заказчику. Я вернулась в мастерскую с собственной долей, заметно меньшей, чем хотелось. Зато теперь она была единственной, которой я собиралась распоряжаться.

***

Веста положила на мой рабочий стол короткий договор, а Орен сразу отодвинул его к свету.

— За что платим? — спросил он. — За разговор или за результат?

— За перечисленную работу. Получить доступные копии, проверить основания требования и представить ваши возражения по проходам. Результат, который зависит от чужих документов, я обещать не стану.

Орен прочёл первую строку ещё раз. Бренн стоял у верстака, придерживая папку правой рукой. Селин устроилась на стуле, который принёс Нилан; Нира осталась у печи и пе-

редала ей своё письменное согласие только на вопросы доступа к стекольной мастерской. Лора пришла последней и не сняла плащ. Ей надо было уйти через полчаса.

Тесса села с отдельным листом. Веста заметила его, но не попросила убрать. Мы собрались не учреждать новую общую кассу. Требование старого подрядчика задевало разные работы, а соглашаться за всех было некому.

Я начала рассказывать про замок зернового двора. Орен дослушал до потерянных двух часов и перебил:

— Вот это кто вернёт?

— Пока никто, — сказала я.

— У нас вчера бригада простояла половину дня у складского входа. Ключ у одного, разрешение у другого. Я людям заплатил. В следующий раз я туда не пошлю, пока не увижу бумагу с именем того, кто открывает.

— А жители останутся без ремонта, — возразила я.

— У меня люди тоже жители. Им вечером надо хлеб покупать.

Он говорил громче обычного. За тонкой стеной перестали стучать: сосед услышал. Мне захотелось попросить Орена тише, но прежде пришлось признать, что ответить нечего. Я привыкла оплачивать собственные лишние часы из тех, которые никто не видел. В артели этот час умножался на несколько человек и приходил в счёт к концу дня.

Бренн взял договор у Орена.

— Запишем простой отдельно. Сейчас не получим, потом

хоть не будем вспоминать по памяти.

Веста подвинула чистый лист.

— Могу включить сбор подтверждённых потерь. Требовать возмещения будем после того, как станет ясно, кто и на каком основании задерживал. Это ещё одна задача, с отдельной оценкой.

— Сбор включайте. Требовать пока не поручаем, — сказал Орен.

Я увидела, как Веста вычеркнула два слова и вписала другие. От этого маленького движения разговор сделался спокойнее. Никто не обещал вернуть нам все дни; мы выбирали ближайшую работу, за которую могли заплатить.

Когда дошли до подписей, Тесса положила рядом свой лист.

— У меня малые приборы, на этих основаниях ни одного нет, — сказала она. — По складу я участвую. За городские установки не подписываюсь.

— Так и будет, — ответила Веста.

Тесса поднесла лист ко мне.

— Вы посмотрите сумму за общий склад? Я рассчитала по своей доле.

Я проверила. Всё сходилось. Она расписалась только под своим поручением и убрала второй экземпляр в собственный ящик. Орен отдельно зачеркнул предложение об общем обеспечении расходов: артель платила за согласованную часть, но не ручалась за чужие будущие заказы. Веста не

спорила. Селин пересчитала монеты, Лора подписала и поспешила к двери.

После их ухода на столе стало удивительно просторно. Нилан унёс лишние стулья. Веста осталась дописать запрос, для которого принесла выписку из открытого реестра городских военных работ. Возле записи о шести старых узлах стояло название талассского союза страховщиков и номер дела. Что именно страховали и чем закончилось дело, в реестре не объяснялось.

— У них может быть свой экземпляр акта, — сказала Веста. — Спросим, что сохранилось и кому они вправе дать выписку.

— Они ответят нам?

— Хотя бы назовут условия. Или откажут со ссылкой на владельца дела. Тогда будем обращаться от города. Лучше узнать сейчас.

Я держала угол листа, пока она сверяла номер. Запрос получился коротким. Веста не обвиняла товарищество Тейнов и не просила прислать весь архив; спрашивала о сохранившихся актах по указанным работам и порядке получения заверенных сведений. Она подписала письмо, приложила копию нашего поручения и запечатала конверт.

До вечернего приёма речной почты оставалось меньше часа. Я пошла с ней до конторы, потому что всё равно собиралась к Ремису. В очереди пахло сургучом и мокрой шерстью. Перед нами женщина отправляла сыну обувь; служа-

щий просил вытащить из сапога яблоки. Мы ждали, пока она перевязывает свёрток, и Веста ни разу не посмотрела на часы.

Наше письмо приняли последним перед сменой ящика. На квитанции появились сегодняшняя дата и направление: вниз по Эссе, Таласс. Веста убрала её в папку. Ответ должен был пройти туда и обратно обычной дорогой, со всеми перегрузками и ожиданиями. Предстоящий разбор не мог зависеть от него.

Я вышла на улицу и только теперь почувствовала, как устали ноги. В мастерской осталась недоделанная оправа; дома ждал Дарен. Я остановилась на перекрёстке, подумала о верстаке и повернула к дому.

Глава 4. Работа его отца

Человек в коричневом жилете держал снятый кожух обеими руками и не знал, куда его положить. На стене для этого были крюки, но под ними стояли наши ноги. Я заметила его затруднение раньше, чем Веллор Тейн успел закончить приветствие, и потянула Весту за рукав. Мы отступили к двери. Рабочий повесил кожух, разогнул пальцы и кивнул мне с короткой благодарностью.

Внутри старой опоры оказалось больше свободного места, чем я ожидала. Снаружи она выглядела глухой чугунной тумбой, в которую за годы добавили кольцо для верёвки, кронштейн и две скобы. Теперь были видны широкое гнездо под кассету и узкая полоса, уходившая вниз через каменную пятку. В углу скопилась рыжая пыль. Рабочий подложил под неё ткань, прежде чем принялся очищать край.

— Это меняли после налёта, — сказал Тейн. — До того здесь стоял открытый сборник. Осколки вошли прямо в рисунок.

Он говорил без нажима, почти буднично. Я представляла его иначе, пока мы шли: почему-то ждала широкого человека с тяжёлой цепью на жилете. Веллор оказался худым, с тёмными волосами, подстриженными над самыми ушами. На его воротнике была зашитая прореха. Он заметил, что я смотрю на ткань под опорой, и переступил через неё так же

осторожно, как рабочий.

— Вы сами ставили? — спросила я.

— Нет. Отец. Я тогда принимал обозы у верхней дороги. Мне было легче договориться о железе, чем изготовить из него что-нибудь пригодное.

— Это и сейчас не самый лёгкий конец работы, — сказала Веста.

— Поэтому я предложил начать здесь. За столом слишком просто решить, что мы принесли только бумагу.

Рабочий вытер инструмент о край своего фартука. От этого движения жилет у него поднялся, открыв заштопанный пояс. Веллор спросил, сколько осталось до закрытия кожуха.

— Очистить нижнюю канавку. И винт надо другой, этот уже держится на последнем витке.

Стоявший у двери мужчина достал из сумки небольшой свёрток. Он был моложе рабочего, с широкими кистями и седой прядью у лба. В отличие от нас он ни разу не переступил через ткань: с самого начала встал так, чтобы всё нужное было под рукой.

— Керис Данн, старший смены, — представил его Тейн. — Без него осмотр дальше рынка не продвинется.

Керис выбрал винт, приложил к снятому и вернул в свёрток.

— Длинный. Упрётся в заднюю стенку.

Я успела увидеть разницу: меньше ногтя. Другой винт подошёл. Керис передал его рабочему и только тогда повернул-

ся к нам.

— Смотреть можно. Рисунка не касайтесь, местный запас не снят.

Я убрала руку, хотя тянулась к камню ниже гнезда. Он не стал объяснять запрет второй раз. Прикрыл открытую часть узкой решёткой и предложил обойти тумбу снаружи. На её задней стороне, почти у земли, сохранилась глубокая выбоина; новое железо закрывало край старого. Я присела. Крепление было сделано добротно, без удобных для меня признаков халтуры.

На улицах после войны оставалось столько следов чужой работы, что я давно перестала думать об исполнителях каждого ремонта. Пользовалась ступенью, которая не шаталась; ставила лестницу у восстановленной стены. Оказывается, можно было годами проходить мимо чьего-то неоплаченного труда и замечать его только тогда, когда предъявят счёт.

— А ему вы заплатили? — спросила Веста.

Она смотрела не на Тейна, а на рабочего. Веллор хотел ответить, но тот выпрямился раньше.

— За нынешнюю неделю получу в субботу. За старые работы часть ещё осталась.

— По отдельному расчёту?

— По записи у его отца. У меня свой лист есть.

Рабочий произнёс это без заискивания. Я вдруг поняла, что ему неприятно стоять перед нами с открытым кожухом и своим старым долгом. Веллор мог искренне хотеть ему за-

платить, но от этого человек не обязан был становиться доводом в нашем разговоре.

— Нам не нужен ваш лист сейчас, — сказала Веста. — Я спросила, потому что расходы на людей тоже предъявлены в требовании. Кто ведёт расчёт?

— Я, — ответил Веллор. — Отдельно от городского. Люди работают на товарищество.

Керис подал рабочему кружку из-за дверного косяка. Тот сделал несколько глотков, поставил её на пол и опять нагнулся к канавке. Осмотр кончился для него раньше, чем для нас.

У следующего основания отремонтированной была только нижняя часть. Над ней стояло более позднее устройство сигнала для грузчиков, чужое и явно ухоженное. Керис назвал мастера, который его обслуживал, показал раздельные крепления. Я попросила дать мне минуту у скобы. Тейн подождал, пока я осмотрю место, затем спросил:

— Вы ведь тоже не отдаёте прибор даром, если хозяин исправно моет стекло?

— Не отдаю. Но крепление под ним не делает прибор моим.

— А если к моему креплению без меня добавляют нагрузку?

— Тогда надо проверить нагрузку.

Я поднялась слишком быстро, и в колене неприятно потянуло. Тейн протянул ладонь. Я оперлась на неё, прежде чем решила, хочу ли принимать помощь, и оказалась рядом

с ним на узкой дорожке между стеной и навесом.

— Вот этим я и хочу заниматься, госпожа Вейл, — сказал он. — Проверять. Обслуживать. Получать за это плату. Сейчас каждый берёт маленький заказ, а о том, что держит их вместе, спрашивают моих людей.

На это у меня не было готового возражения. Я уже слышала жалобы Ремиса, которому приходилось искать ответственного за старую пятку между владельцем двора, городом и мастером верхнего прибора. Но я также видела, как легко в словах Тейна работа превращалась в право решать за всех, кто пользовался улицей.

— Тогда завтра начнём с того, за что именно вам должны, — сказала Веста.

Тейн отпустил мою руку и отряхнул ладонь о край жилета.

— Я на это рассчитываю.

***

В комнате для разбора было холоднее, чем на улице. Я не сняла плащ, только расстегнула ворот. У окна лежали три папки, и чиновница с ровным пробором переставляла их каждый раз, когда кто-нибудь пытался занять свободное место на столе. Она представилась Кайлой Рейн, от городской счётной палаты, и попросила не смешивать листы из разных дел.

Веста положила наше поручение перед собой. Я села рядом, прижав коленями сумку со схемами. От нас требовалось пояснить, где стояли новые лампы и как мы к ним про-

ходили. Я принесла записи по своим приборам, но, увидев общую карту, сразу поняла: большую часть нарисованного мне ещё придётся смотреть на земле.

Веллор пришёл с Керисом. На этот раз на нём был другой жилет, тёмно-синий, без прорех. Керис принёс тот же рабочий свёрток и положил его себе под стул, словно не собирался задерживаться. С городской стороны кроме Кайлы был Ремис; он сел ближе к двери, чтобы в любой момент пропустить очередного посыльного.

Начали с денег. Кайла прочла сумму признанных работ — две тысячи четыреста марок, — затем подвинула к Тейну лист о прежней выплате шестисот. На остатке в тысячу восемьсот никто не стал спорить. В городской книге нашлись расходы на железо и перевозку; номера совпадали с приложенными ведомостями. Я могла судить лишь о тех местах, которые видела вчера, но и этого хватало, чтобы перестать ждать простой ошибки в сложении.

— Какую часть вы можете получить этой осенью? — спросила Кайла.

Тейн не взглянул на предложенный расчёт.

— Мне нужен порядок обслуживания.

— Я спрашиваю об оплате работ.

— Раз в год меня спрашивают об оплате работ. Каждый раз выходит новая часть, которую город пока не может выдать.

Кайла положила ладонь на свой лист. На среднем пальце

у неё остался след чернил, вымытый до бледной синевы.

— Я не предлагаю вам отказаться от остатка. Мне нужно знать, что закладывать в ближайшую выплату. Это другой вопрос, чем ключи от шести мест.

— Для вас другой. Для меня люди, которых я не могу держать без заказа, и есть эти шесть мест.

Веста дождалась, пока он договорит.

— Ваши люди могут получить заказ по новому соглашению. Но вы требуете также признать прежнее исключительное право. Покажите, откуда оно следует.

Веллор развернул вторую папку. Первый акт мы только что сверяли по расходам; теперь перед нами легло приложение следующего года. В нём было значительно меньше чисел. Я прочла строку об обслуживании до полного расчёта, затем ещё раз — о последующих подключениях. На полях стояли мелкие отметки, на нижнем крае листа лежал слишком светлый шнур.

— Моя лампа сюда не входит, — сказала я, не дождавшись приглашения.

Кайла подняла голову.

— Какая именно?

Я достала схему перехода возле Иллен. От волнения зацепила застёжкой сумки другой лист, и Веста помогла его расправить. Керис посмотрел на рисунок раньше Тейна.

— У вас отдельный заряд, — сказал он. — А место общее.

— Кожух тоже отдельный. И согласие владельца стены

есть.

— Я не спорю про кожух.

Он указал на нижнюю часть схемы. Я видела её всего несколько дней назад: старая отметка отозвалась при исправном новом фонаре. Если бы Керис сейчас объявил это неисправностью моей лампы, я бы нашла слова. Он этого не сделал. Спросил, осматривали ли подготовленную полосу под камнем, и я вынуждена была сказать, что нет.

— На неё отдельного допуска не было, — добавил Ремис. — Поэтому и запрошен осмотр.

— Значит, надо его провести, — сказал Керис и откинулся на спинку стула.

Веста придвинула карту к середине стола. На шести местах были проставлены номера. Я узнала рынок, переход, складской двор и ворота лечебницы. На месте бывшей лебёдки стояло Н-6. От кружка отходила линия, которую пересекала надпись; я не могла понять, перечёркнута она или просто перекрыта буквами.

— Это действующая карта? — спросила я.

— Приложена к требованию, — ответила Кайла. — Нам ещё предстоит сверить её с городским планом.

— Лебёдку сняли, — сказал Ремис.

— Верх сняли, — уточнил Керис. — Что под ним, надо смотреть.

Я записала это отдельно. Не найденный тайный ход, не новая поломка — пока только место, где одно уверенное слово

обходчика не совпало с другим.

Пока Веста обсуждала порядок доступа, я перевела взгляд на подписи. Под первым актом фамилия Норна заканчивалась длинным росчерком, который заходил под предыдущую букву. Под приложением хвост шёл вверх. Одинаковые первые две буквы только подчёркивали разницу. Я сама расписывалась то быстро, то старательно и знала, как мало это значит. И всё же рядом две подписи хотелось рассмотреть лучше.

Я наклонилась к Весте и показала ей строки. Она посмотрела, затем спросила Кайлу, можно ли заказать сверку экземпляров и записей о поступлении.

— В городском архиве, — ответила та. — Здесь копии для разбора. За работу хранителя и выписки придётся заплатить отдельно.

— Запишите наш запрос. По первому акту — подтверждение расходов и оставшегося требования. По приложению — основание срока, границы обслуживания, происхождение экземпляра и карты.

Тейн потянул папку к себе, но Кайла придержала край.

— Сначала закончим запись.

Он убрал руку.

— Пока вы устанавливаете происхождение, моим людям платить всё равно надо.

— Сегодня мы не присваиваем вашей работы, — сказала Веста. — И не признаём за вами больше того, что сможем

проверить.

От её голоса мне стало спокойнее, хотя удобного исхода эти слова не обещали. Я заплатила за свою долю архивной работы из денег, отложенных на осенние расходы, и увидела, как быстро опустел маленький внутренний карман. Веста выдала расписку. Город отдельно направлял запрос по своему долгу; наше поручение не делало мастеров должниками товарищества.

Разрешение на совместный осмотр ограничили наружными частями и доступными записями. Ничего размыкать или переставлять по нему было нельзя. Керис прочитал строку дважды, попросил указать ответственного со стороны города. Ремис назвал аварийную службу. Дату должны были согласовать после выдачи книг.

Мы вышли, когда в коридоре уже меняли воду в ведре. Веста остановилась у подоконника, чтобы убрать документы. Я призналась, что вчера хотела найти хотя бы один плохо сделанный узел.

— Вам было бы легче?

— Да. Не пришлось бы думать, в чём он прав.

Она поправила загнувшийся угол нашего поручения.

— Если хотите, можно злиться на человека, который умеет работать. Главное, потом не считать это заключением об оборудовании.

Я застегнула пустой кармашек. Веста ушла в архивную приёмную, а я понесла свои схемы обратно через двор, где

рабочие сгружали дрова. У каждого были заняты руки. Я подождала, пока они освободят проход, и впервые за утро никуда не поторопила другого человека.

***

Дарен стоял в пустом учебном дворе и держал конец верёвки. Над столом медленно опускался деревянный брусок. Я остановилась у ворот: он не видел меня и, судя по губам, считал. Брусок дошёл до нижней перекладины, стукнул о неё, затем отскочил. Дарен отпустил верёвку и долго смотрел на собственный макет.

— Получилось? — спросила я.

Он обернулся. На его щеке была пыль, волосы прилипли ко лбу.

— Нет. Я опять показал движение, которое хотел увидеть сам.

Он отодвинул для меня стул, но я положила на него сумку и осталась рядом. На столе стояли два одинаковых деревянных затвора. У одного была красная шерстяная метка, у другого синяя. Ни кассеты, ни подготовленной полосы я не увидела.

— Без чар?

— На этом уроке да. Сначала хочу, чтобы они поняли, куда идёт вес. Потом подключим маленький учебный запас. Когда всё сразу светится, смотрят только на отметку.

Я взяла красную метку. Он попросил не тянуть за неё, показал верёвку и предложил самой опустить груз. Я сделала

то же, что он минуту назад: осторожно выбрала слабину, затем подалась рукой вперёд. Брусок прошёл почти весь путь ровно и ударился внизу.

— Я ведь удерживала, — сказала я.

— До конца руки. Дальше перехватить было нечем.

Дарен встал за моим плечом, показал второй конец, который я приняла за запасную обвязку. Теперь стало понятно, что он пытается объяснить группе. Я потянулась, но он задержал мою кисть: рубец на запястье оказался прямо на краю стола. Переставил макет ближе.

— Вот теперь пробуй.

Я справилась со второго раза. От слишком большого старания у меня заболели пальцы; деревянный груз весил совсем немного, а я держала его так, словно внизу стоял человек. Дарен выждал, пока я отпущу оба конца, и повернул макет другой стороной.

— Теперь ты знаешь, где перехват. А они ещё нет. Что ты увидела сначала?

Я показала красную шерсть. Он снял её, долго покрутил между пальцами и положил в ящик. Мне понравилось, что он спрашивал не ради моего согласия. Его занимало то, что я действительно сделала, включая ошибку.

Мы провели у стола больше часа. Я не рассказывала о подписях, он не спрашивал, удалось ли победить Тейна. В какой-то момент я заметила, что уже жду следующей пробы. Дарен менял расположение деталей; я пробовала, иногда на-

рочно спешила, иногда забывала, где оставила второй конец. На этой маленькой вещи было приятно ошибаться. От моего промаха никто не оставался без света, и исправление можно было проверить сразу.

Когда тень от навеса закрыла стол, Дарен накрыл макет полотном. Мы вымыли руки у бочки. Вода была холодной; я вздрогнула, а он протянул мне свою сухую ткань, оставив мокрые ладони на краю.

— Можно я побуду здесь ещё немного? — спросила я.

— Устала?

— Не только. Мне понравилось смотреть на тебя за работой.

Он повернулся ко мне всем телом. Во дворе стало слышно, как капли падают из неплотно закрытого крана. Я подошла, взяла его за ворот рубашки и поцеловала сама. Дарен ещё секунду держал руки в стороне, потом прижал меня к себе, и холодные пальцы коснулись спины сквозь платье. Я вздрогнула снова, уже иначе.

Мы сели на ступень под навесом. Я прислонилась к нему боком; он гладил мою ладонь большим пальцем, не спрашивая ни о чём. В открытом ящике виднелась снятая красная метка. Я могла бы встать и закрыть крышку, но осталась сидеть рядом с ним.

Глава 5. Гости под грушей

Веда вошла во двор раньше, чем мы услышали повозку. Она оставила дорожную сумку у калитки и остановилась под грушей, подняв лицо к нашему окну. Дарен как раз поднимал край полотняной постели, которую мы взяли у Ольды. Увидев сестру, он выпустил ткань. Деревянная ножка стукнула о пол, но он уже шёл к двери.

Я осталась у окна. Мне было видно, как Веда шагнула ему навстречу и обняла обеими руками, не сняв дорожного плаща. Дарен наклонился к ней, что-то сказал в волосы. Она покачала головой, крепче прижалась к нему и долго не отпускала. На улице возчик спорил с Томасом о том, какое из двух мест уже оплачено. Веда не повернулась на голоса.

Я спустилась забрать сумку. Томас Арвент стоял возле повозки с длинным свёртком под мышкой и терпеливо показывал возчику квитанцию. После девяти дней дороги у него были покрасневшие глаза, но узлы на тюке он проверял с привычной осторожностью переплётчика. Я взяла меньший свёрток. Он поблагодарил, потом увидел Веду с братом и перестал объяснять что-либо возчику. Подождал, прижимая бумагу к борту.

Когда мы поднялись, комната оказалась меньше, чем утром. Сумки заняли место возле печи, постель перекрыла путь к Даренову столу, а стул, который я переставляла уже

трижды, снова оказался у кого-то под ногами. Веда расстегнула плащ и села прямо на край сундука.

— Только не начинайте сейчас всё двигать, — попросила она. — Мне бы умыться. И потом можно просто сидеть?

Я принесла ей воду. Томас отдал Дарену свёрток с книгами, попросив положить на сухое, и тоже сел. Я приготовилась предложить еду, показать, куда складывать одежду, рассказать, какие дворы они будут видеть из окна. Вместо этого закрыла дверь спальни, где Веда могла умыться без свидетелей, и поставила на стол хлеб, сыр и маленькую миску слив. Чайник ещё не закипел. Несколько минут никто ничего от меня не хотел.

— Дорога тяжёлая? — спросила я у Томаса.

— Последние два дня. Места у колеса хуже, чем нам обещали. На следующем перегоне Веда сидела на моём плаще.

Он осторожно расправил колени. Дарен подвинул ему стул, чтобы вытянуть ноги, но Томас отказался: после повозки не хотелось ещё куда-нибудь забираться. Они начали рассказывать о перевалочной стоянке, где перепутали тюки. Я слушала и разливала чай. В их рассказе было много вещей, которые не требовали моего участия: чужой обед, спор на мосту, женщина, вёзшая петуха под скамьёй. Впервые за несколько дней я могла не искать, какую часть услышанного нужно записать.

Веда вышла с распущенными волосами. Дорожная пыль осталась на полотенце, лицо стало совсем другим, более мо-

лодым и усталым. Она увидела открытую дверь в маленькую комнату Дарена и спросила, можно ли посмотреть. Он кивнул.

Через открытую дверь я видела, как она провела пальцем по краю стола. Там лежали листы следующего занятия, две деревянные детали и недочитанная книга. Веда ничего не переставила. Только спросила, хватает ли ему света.

— Утром. Вечером зажигаю лампу.

— В Эрлене ты писал почти в темноте. Я всё хотела поставить свечу, а ты уходил раньше, чем я её приносила.

Дарен помолчал.

— Тогда мне не нужно было столько писать.

Она посмотрела на него, потом на листы и вернулась к нам. Я не стала угадывать, что именно она увидела в этой комнате. Сам Дарен, усевшись за стол, потянулся за хлебом, словно проголодался только сейчас.

Веда достала из сумки небольшую пачку бумаги, обёрнутую в ткань. Для меня. Листы были плотные, без грубой щепы по краям, и на первом в углу стояла крохотная водяная лилия. Я сразу подумала о хороших схемах, которые можно было бы на них начертить, но она положила сверху узкую тетрадь в зелёном переплёте.

— Это тоже тебе. Я не знала, что ты любишь записывать, когда не работаешь.

— Я почти ничего не записываю, когда не работаю.

— Тогда пусть полежит.

Она сказала это так спокойно, что я перестала искать достойное применение подарку. Погладила ткань на корешке. Она была мягкой, с неровными светлыми нитями, и совершенно не подходила для стола, где я ставила банку с составом. Я унесла тетрадь в спальню, на полку возле нашей кровати.

Днём гости уснули. Томас лёг на постель в большой комнате, Веда — в спальне, куда я сама её проводила: после дороги ей хотелось хотя бы ненадолго закрыть дверь. Дарен сел под грушей с Ольдой. Я выглянула из окна и увидела, как хозяйка вытаскивает из корзины слишком мягкие плоды, а он складывает хорошие в другой таз. Казалось, они заняты серьёзным, медленным разговором. Я не стала спускаться. Нашла своё платье, которое хотела надеть завтра, и принялась за оторвавшуюся петлю у пояса.

Когда Веда проснулась, я всё ещё сидела с иголкой. Она присела рядом, попросила ткань и показала, как увести конец нитки внутрь шва. Её пальцы пахли дорожным мылом. За окном Дарен говорил Ольде, что нижние груши нужно забрать раньше дождя, и Веда на мгновение перестала шить.

— Что? — спросила я.

— Ничего. Просто я давно не слышала, чтобы он так долго говорил о грушах.

Она вернула мне платье. Я доправила шов сама, хотя с её пальцами получилось бы ровнее.

***

К галерее мы пошли на следующее утро. Томас нёс книги для купца; встреча была назначена неподалёку, и он собирался присоединиться к нам через час. Веда взяла Дарена под руку, меня — под другую. На узком участке пришлось разойтись, но за мостиком она опять собрала нас рядом. Я чувствовала, как она время от времени прижимает локоть брата к себе, словно проверяя, не отстал ли он.

Алеста Вирн сама открыла внутреннюю дверь. На полу у неё лежала свёрнутая дорожка, у стены стояли две ещё не развешанные картины. Она увидела гостей, назвала каждому цену входа, затем отложила билеты и взглянула на меня.

— Эйра, я вам хотела написать. Про свет в дальнем зале. Не сегодня, раз вы пришли смотреть.

— Напишите. Я смогу осмотреть его после отъезда гостей. Тогда скажу, что можно сделать.

Алеста кивнула и повернулась к Веде. От того, как легко закончился этот разговор, я почувствовала себя немного глупо: у меня уже приготовились объяснения, почему я не могу сейчас принести лестницу и разобрать верхнюю раму. Никто лестницы не просил.

В первом зале висели небольшие пейзажи. На одной картине берег казался мокрым, хотя художник почти не написал воду: оставил у камней несколько светлых полос, и я долго смотрела, пытаясь понять, почему верю этим полосам больше, чем тщательно прорисованной лодке рядом. Веда остановилась у тёмного двора с красной дверью. Дарен прошёл

дальше, потом вернулся.

— Похож на наш старый, — сказала она.

— Дверь была синяя.

— В последние годы. Сначала красная. Мама сердилась, когда отец покрасил.

Он наклонил голову, всматриваясь в чужую дверь. Я знала, что они выросли не здесь, и вдруг ощутила целый город за этой короткой разницей цветов. У них были годы, в которые я не могла войти даже самым внимательным вопросом. Обычное знание, но рядом с картиной оно оказалось почти телесным: Веда стояла между братом и памятью, доступной только им двоим.

— Я помню, как краска липла к ладони, — сказал Дарен. — Думал, мне не поверят, что я не трогал нарочно.

— Ты трогал нарочно. Хотел узнать, высохло или нет.

Веда не улыбалась. Провела пальцем возле собственного запястья, словно вспоминая давний след, и рассказала, что тогда испортила рукав нового платья. Дарен помнил платье зелёным; она — серым, с зелёной лентой. Их спор был тихим и удивительно неторопливым. Никто не пытался выиграть, и всё же обоим хотелось сохранить свой цвет.

Мне стало немного одиноко. Я отошла к соседней стене, чтобы не стоять перед ними с лицом гостя, которому обязаны всё объяснить. Там висел портрет пожилой женщины у окна. Её рука лежала на закрытой книге. Я смотрела на складку у рта и думала о том, сколько подробностей моей

собственной жизни некому будет поправить, если я запомню их неверно.

Дарен подошёл не сразу. Встал рядом, не заслоняя портрет.

— Тебе эта нравится?

— Не знаю. Я смотрю на руку. Она как будто только что перестала читать.

Он посмотрел, затем взял мою ладонь.

— Веда зовёт тебя. Хочет показать тот двор поближе. Я не умею объяснить, где у нас была лестница.

Я могла бы сказать, что мне и здесь хорошо. Вместо этого вернулась с ним. Веда подождала, пока я встану рядом, и начала не с войны, не с болезни родителей и не с того, каким хорошим мальчиком был её брат. Рассказала о ступени, под которой они хранили зимнюю обувь, потому что у двери было слишком тесно. В сырую погоду оттуда пахло кожей на весь дом. Дарен добавил, как долго отец обещал сделать отдельный ящик. Я спросила, сделал ли он. Веда показала руками размер: маленький, на двоих всё равно не хватало.

Когда появился Томас, мы ещё стояли у картины. Он отдал Веде пустую обёртку от книг, сказал, что купец расплатился полностью, и попросил сначала немного пройтись один. Она спокойно отпустила его в дальний зал. Я заметила, что ей не нужно было следить, с той ли картины он начинает и достаточно ли радуется общему дню. Томас вернулся через несколько минут, нашёл нас у моря и позвал посмотреть

странное зелёное небо на большом полотне. Ему оно понравилось; Веде — нет. Мы пошли выяснять, что именно он там увидел.

В дальнем зале было прохладно. На лавке у окна лежал забытый шарф, и Алеста, проходя мимо, переложила его на спинку. Я заметила, что рама с картиной затеняет половину стены, но не стала обходить её с поисками крепления. Села рядом с Дареном. Томас долго рассматривал мазки у горизонта; Веда читала список работ. Через стекло падало дневное пятно, в котором руки Дарена казались светлее лица.

— Мы раньше ни разу так не приходили, — сказала я.

— В галерею?

— Чтобы у меня не было повода осматривать стену.

Он посмотрел на стену, потом на меня.

— Сейчас есть?

— Потом будет. Сегодня я ещё хочу посмотреть вон ту маленькую картину.

На ней ничего примечательного не происходило. Два дерева, просёлок, женщина с закрытой корзиной. Мне нравилось, что не видно, куда она идёт и что несёт. Я сидела перед ней дольше, чем перед всеми остальными.

После галереи мы ели горячие лепёшки на площади. Веда купила сушёные яблоки в дорогу, Томас — маленькую глиняную чашку с неровной ручкой. Дарен попросил завернуть вторую такую же. Я сначала решила, что он покупает её для Веды, но он передал свёрток мне. Чашка была с синей поло-

сой, толще наших домашних и, наверное, неудобна для долгой работы за столом. Я сказала, что возьму её к озёрам. Он ответил: «Да», — как будто именно для этого и выбирал.

***

Ужинали под грушей. Ольда разрешила вынести стол и дала нам ещё один стул, с подушкой, которую велела вернуть до сырости. К вечеру похолодало, но мы не хотели уходить наверх. На блюде остались запечённые овощи, в кувшине — немного питья. Веда укуталась в шаль. Томас сидел рядом и держал край ткани у её колена, чтобы не касался земли.

Разговор всё время возвращался к их дому в Эрлене: к новому ученику, который портил листы из страха сделать ошибку, к заказчице, принёсшей книгу с запёкшимся вареньем между страницами, к стеклу в верхнем окне, которое они собирались заменить до снега. Я помнила их комнаты и могла представлять то, о чём они говорили. На этот раз слушать было легко. Мне не требовалось искать собственное место в каждом воспоминании.

Когда мы поднялись, Дарен и Томас перенесли стол, а мы с Ведой убрали посуду. У мойки она спросила, не тесно ли нам вчетвером. Я ответила честно: тесно, но на несколько дней это совсем не то же самое, что навсегда.

— Мне хорошо у вас, — сказала она. — Я боялась, что приеду и начну смотреть на Дарена каждую минуту.

Я вытерла миску, поставила на полку. Из комнаты слышно было, как мужчины передвигают постель.

— А смотрела?

— В первый день. Потом устала. Он всё время куда-то ходил за хлебом, чашками, твоим плащом. Я никак не могла поймать его одного.

Она помолчала и подала мне следующую тарелку.

— Наверное, это хорошо.

Я не стала подтверждать за Дарена, что всё у него теперь хорошо. Веда знала о его ночах больше, чем успела спросить за эти дни, и всё же её брат принёс нам хлеб, сидел у картины, выбирал чашку. Она могла оставить себе эти впечатления, не превращая их в заключение о здоровье.

Позже, когда гости легли в большой комнате, я долго развязывала пояс платья. Узел затянулся под пальцами. Дарен уже лежал, но поднялся на локте и спросил, помочь ли. Я подошла к нему. В спальне горела маленькая лампа; из-за прикрытой двери слышался голос Томаса, затем тихий ответ Веды.

Дарен распустил узел, не торопясь убрать руки. Я стояла между его коленями, чувствуя тепло сквозь ткань. За день мы столько раз были рядом, что я не замечала, как редко оставались одни. Теперь хотелось наверстать это сразу и одновременно задержать каждое движение.

— Мне понравился сегодняшний день, — сказала я.

— Я видел.

— Не всё.

Он поднял голову. Я коснулась губами его брови, потом

уголка рта. Дарен обнял меня за талию, притянул ближе. С пола потянуло холодом к босым ступням, и я забралась к нему на кровать, сминая ещё не снятое платье. Он осторожно убрал ткань из-под моего колена.

Я хотела рассказать про своё одиночество перед портретом, но сейчас эти слова были не нужны. Можно будет сказать завтра, если они останутся важными. Сегодня Дарен смотрел на меня с таким открытым желанием, что я забыла приготовленное объяснение и сама потянулась к застёжкам.

Когда он убавил лампу, в щели под дверью ещё лежал свет из большой комнаты. Веда и Томас перестали разговаривать. Я легла рядом с Дареном, почувствовала, как он накрывает нас одеялом, и попросила его поцеловать меня ещё раз.

Глава 6. Шов в книге

Идрея Морн не позволила Весте положить папку на стол, пока не вытерла с неё уличную влагу. Ткань у хранительницы была чистая, края подшиты частыми стежками. Она провела по обложке, отдельно по металлической застёжке и только тогда показала нам места. Мне досталось кресло с проваленным сиденьем. Чтобы видеть книгу, пришлось подложить под себя свёрнутый плащ.

— Первую выдаю сейчас, вторую через полчаса, — сказала Идрея. — На одном столе их сравнить сможете. Разбирать шнур не будете.

— Мы этого и не просили, — ответила Веста.

— Обычно просят, когда уже начали.

Она развернула тяжёлую обложку. Книга легла не до конца; Идрея подставила под неё мягкую подушку и придержала страницу ладонью. Снаружи я слышала звон ведра и длинный кашель человека в коридоре. В соседней комнате перебирали листы. Мне всегда казалось, что в архиве должна стоять полная тишина, но здесь люди работали почти так же шумно, как мы в мастерской: искали место, передавали тяжести, не соглашались с тем, как уложены чужие вещи.

Перед нами был журнал городских военных расходов. Идрея нашла нужный год по тканевой закладке, затем дала Весте прочесть страницу. Сведения о шести узлах шли среди

поставок извести, перевозки камня и расчётов за перекрытия. Номер первого акта оказался не единственной связью: рядом были записаны вес железа, число работников и выдача продовольствия на дни ремонта.

Я могла прочесть числа, но за ними не возникало самой улицы. Только у одной записи — «разгрузка после вечернего запрета» — вспомнился рабочий, который несколько дней назад очищал кожух и ждал старых денег. Отец Тейна, этот человек и другие люди работали тогда в таком городе, где после определённого часа нельзя было спокойно пройти от повозки до двери.

— Это подтверждает, что работы принимали? — спросила я.

— В этой части, — ответила Веста, показав на границу записи. — Посмотрим, что стоит за номером.

Она не стала читать мне всю страницу. Выписала два номера, сверила их с первым актом, затем попросила Идрею указать, где искать платёж шестисот марок. Его нашли в другой книге. Я держала прижимную планку, пока Веста проверяла строку, и смотрела, как настоящий городской расход постепенно отделяется от всего остального, что мы ещё не знали.

Второй экземпляр принесли в плоском ящике. Служитель поставил его на дальний край; Идрея сама вынула бумаги. Приложение было пришито к нескольким листам тонким шнуром. Узел выглядел совсем новым. Я подалась вперёд, и

она сразу положила ладонь рядом с ним.

— Можно смотреть.

— Я только хотела понять, все ли отверстия заняты.

Два прокола у сгиба оставались свободными. Между ними и новыми отверстиями шла светлая полоска. Я видела похожие следы на выкройках, которые перешивали в другую папку после намокания. Здесь они сами по себе ничего не сообщали ни о дате, ни о людях, но хотелось узнать, кто менял скрепление.

Идрея перевернула лист с помощью тонкой лопатки. На обороте стояла запись о восстановлении. Триста тринадцатый год. Я прочла его вслух, прежде чем успела посмотреть на Весту.

— А вверху триста девятый.

— Вверху дата документа, — сказала Идрея. — Здесь дата поступления восстановленного экземпляра.

Она придвинула журнал выдачи и приёма. По этой строке бумаги пришли летом из конторы товарищества Тейнов. В основании называлась утрата прежней связки. Я следила за пальцем хранительницы, стараясь не проскочить знакомые слова к удобному выводу.

— Значит, это не тот лист, который лежал здесь после войны? — спросила я.

— Мы можем сказать, что нынешняя связка поступила летом. Лежал ли здесь тот же лист раньше, из этой записи не видно. Восстанавливали документы по-разному.

— А прежняя выдача?

Идрея посмотрела на Весту.

— Вот её и надо искать. В заявке у вас сверка поступления, а не все перемещения за четыре года. Сегодня я успела подготовить это.

Я почувствовала знакомое раздражение: важное лежало рядом, но опять требовало другой заявки, другой платы и ещё одного утра. В мастерской я тоже сердилась, когда человек приносил «только поменять стекло», а потом просил до обеда переделать всю оправу. От этого сравнения легче не стало, зато я удержалась от просьбы поискать «быстро, пока мы здесь».

Веста уточнила объём следующей работы. Идрея согласилась поднять отметки о прежнем экземпляре и записи о карте, но не обещала, что найдёт их в одной книге. Потом позволила положить рядом первый акт и приложение.

Разница росчерков оставалась. Я показывала не саму подпись, а промежуток под строкой: на первом листе нижний завиток почти касался печати; на втором хвост уходил в сторону. Идрея долго смотрела, затем взяла увеличительное стекло. Протянула его мне, дождавшись, пока я освобожу обе руки.

Под стеклом бумага превратилась в неровную поверхность с тонкими волокнами. Чернила лежали местами плотно, местами бледно. Никакой ясной даты между волокнами не было. Я вернула стекло.

— Вы можете сказать, одна рука или нет?

— По двум таким подписям — нет. И копия не обязана быть подписана так, как оригинал. Нам сначала надо установить, что именно здесь воспроизведено и кем заверено.

— Имя одно: Арвел Норн.

— Имя я вижу.

Веста спросила о строке заверения. Идрея прочла её целиком, не пропуская сокращений. Именно эта запись требовала дальнейшей проверки: не просто похожа ли подпись, а кто отвечал за восстановленный текст. Мне стало досадно, что глаз выбрал самое заметное, хотя полезнее было начать со скучной строчки на обороте.

Карту развернули последней. Идрея прижала углы небольшими гладкими грузиками. Н-6 стоял у лебёдочного двора, как и на копии Тейна. Я приложила рядом свою запись с разбора. На нынешнем листе не было отдельной даты съёмки местности; привязка к году относилась ко всему приложению. Я спросила, сохранилась ли более поздняя городская схема.

— В службе, которая работает на местах. Здесь архивный экземпляр. Сверять обозначения придётся с ними.

Я записала номер листа и расположение двух линий. Идрея следила не за моим лицом, а за карандашом, который я держала слишком близко к карте. Пришлось отодвинуть собственную тетрадь. После этого она позволила мне закончить спокойно.

Когда бумаги убрали, стол показался голым и очень большим. У нас появились номера, даты поступления и оплаченный новый запрос. Ни одного основания сказать, что Тейн всё выдумал. Но теперь я хотя бы знала, что именно мы сравниваем: работу военных лет, нынешний экземпляр приложения и карту, чей путь до этой папки ещё предстояло проследить.

Веста спрятала записи. Я попробовала подняться, забыла о плаще под собой и едва не села обратно. Идрея придержала спинку кресла. Впервые за всё утро её голос смягчился.

— Не торопитесь. Стол низкий, все за ним затекают.

В коридоре Веста остановилась у окна. Ей нужно было ещё идти в приёмную. Я показала ей запись о Талассе, сделанную на обороте: спросить об экземпляре приложения и карте, с точным номером, который мы наконец получили.

— Завтра отправлю дополнение, — сказала она. — Первый запрос уже идёт. Его не надо отзывать.

Я представила наш конверт среди чужих писем, где-то ниже по Эссе. Дорога занимала свои дни независимо от того, как много мы успевали захотеть узнать за одно утро.

***

Дома Томас гладил ладонью недавно купленную книгу. Он нашёл у местного торговца тонкий том, который собирался разобрать на листы по возвращении: бумага в середине была хорошая, обложку повело от сырости. Я пришла с корзиной хлеба и застала его у окна, где обычно сидела сама.

— Можно спросить про шитьё? — сказала я.

Он отложил книгу.

Я рассказала про пустые отверстия, не доставая служебных выписок. Томас слушал, глядя на свою обложку. Когда я закончила, показал мне проколы на ней.

— Эту шили дважды. Посмотри на сгиб. Но если я скажу, что знаю, что было написано до второго шитья, ты ведь не поверишь?

— Нет.

— Вот и там. Отверстия рассказывают о работе с листом. Иногда о размере прежней папки. Не о том, правду ли на нём написали.

Я села рядом. На наружном сгибе действительно оставался ряд крошечных дырочек, почти незаметных без объяснения. Томас дал мне книгу, чтобы я посмотрела сама. Это был сборник старых песен. На одной странице рядом с нотами кто-то оставил отметку карандашом, на другой загнул угол. Мне стало неловко за то, как быстро я готова была превратить чужой опыт в помощь своему делу.

— Я не принесла документ. И не буду просить тебя его смотреть без разрешения.

— Хорошо. Я всё равно не хранитель. Могу сказать, как сшито, но не кто имел право подписать.

Он забрал том и осторожно разгладил загнутый угол. Я спросила, зачем ему такая книга, если часть листов испорчена. Томас провёл ногтем возле карандашной пометки.

— Веда помнит эту песню. У нас её не нашли. Хочу, чтобы она увидела целиком.

На кухне что-то упало. Веда позвала нас к столу: она поставила миску слишком близко к краю, и ложка оказалась на полу. Дарен принёс чистую. Я отодвинула свои выписки на верхнюю полку, взяла хлеб и пошла к ним.

Ужин получился тесным. Томас сидел у стены, Веда напротив; мне приходилось каждый раз просить Дарена подвинуть локоть, когда я вставала за миской. В конце концов он поставил всё на стол сразу, и свободного места не осталось. Мы ели осторожно, передавая друг другу блюда над пустыми тарелками.

Веда заметила книгу. Томас попросил открыть на середине. Она прочла первую строку и запела совсем тихо, не поднимая глаз. Голос после дороги был низким и немного сиплым. На третьей строке остановилась, перечитала и начала снова.

Дарен держал в руке кусок хлеба. Я посмотрела на него, ожидая привычной настороженности от внезапного звука, но он просто слушал. Когда Веда добралась до припева, он поправил одно слово. Она не согласилась. Томас развернул книгу к свету, и выяснилось, что напечатано иначе, чем помнили оба.

— У нас пели так, — сказала Веда. — Я не хочу менять.

— Не меняй, — ответил Томас.

Она повторила куплет уже без книги. Песня была о доро-

ге домой; никаких великих обещаний в ней не было, только грязные сапоги, свет в окне и хлеб, который оставили под полотном. Я слышала её впервые. У меня не возникло чужого детства, не стало вдруг своей памятью всё, что было у них до меня. Просто хотелось, чтобы Веда допела.

После ужина мы долго не убирали со стола. Томас показывал ей другие страницы, Дарен принёс карандаш, и они записали рядом своё слово, не зачёркивая печатного. Я смотрела, как две версии помещаются на одном узком поле. Потом Веда попросила меня прочесть следующий текст: ноты там были слишком высокие для её голоса, зато слова ей понравились. Я прочла вслух медленнее, чем читала бы про себя. Дарен сидел рядом, касаясь коленом моего колена.

***

К обозу мы вышли рано. Дождь ещё не начался, но груше уже хватало ветра, чтобы сыпать мелкими листьями. Ольда дала Веде полотняный мешочек плодов. Томас сперва хотел переложить их в дорожную сумку, потом понял, что раздавит книгами, и понёс отдельно.

На стоянке пахло мокрым войлоком и лошадьми. Люди выбирали места, словно от этого зависело, будет ли вся дорога удачной. Дарен помог поднять тюки, потом ещё раз проверил, не придавлена ли застёжка Вединой сумки. Сестра стояла рядом и терпеливо ждала, пока он закончит.

— Обратно должно быть восемь дней, — сказала она мне. — Если на верхнем участке не задержат. Напишем, когда до-

берёмся.

Я кивнула. После нескольких вечеров вместе восемь дней вдруг показались большим расстоянием. В Эрлен нельзя было зайти завтра, даже если очень хотелось продолжить разговор.

Веда обняла меня. От её плаща пахло нашим домом и дорожной тканью сразу.

— Тетрадь не убирай слишком далеко, — сказала она.

— Она у кровати.

— Тогда хорошо.

Дарен подошёл после Томаса. Веда взяла его лицо в ладони; он на мгновение закрыл глаза. Она ничего не сказала о том, как он должен беречь себя или когда непременно приехать. Спросила, можно ли ещё приехать к нам, если дорога опять сложится. Он ответил, что хочет этого. На этом они обнялись, уже короче, потому что возчик позвал занимать места.

Я отошла, давая им попрощаться. Возле колеса Томас затягивал ремень на книгах. Он попросил придержать свободный конец, и я помогла. Неловкое лишнее время перед отъездом оказалось занято простым делом.

Когда повозка тронулась, Веда высунулась из-под полога, помахала и сразу села: дорога дёрнула колесо. Мы постояли, пока обоз повернул. Дарен не отпускал мою руку.

— Домой? — спросила я.

— Мне к Орену. Я оставил там разбор на сегодня. А ты?

— На почту. Веста обещала принести письмо к девяти.

Он кивнул, но не двинулся. Мы ещё немного смотрели на пустеющую дорогу, потом вместе дошли до развилки. Я обняла его посреди улицы. Он прижал меня к себе и отпустил, когда я сама отступила.

Веста уже ждала у почтовой конторы. В дополнении к прежнему запросу стояли номер приложения, оба обозначенных года и вопрос об экземпляре карты. Я сверила только те строки, которые выписывала сама. Письмо приняли отдельно от первого; квитанцию Веста положила в ту же папку, рядом с прежней.

До мастерской я шла не торопясь. У лотка с фруктами купила два маленьких яблока, хотя дома оставались груши. Одно съела по дороге. Второе положила в сумку для Дарена, чтобы вечером отдать ему вместе с рассказом о том, как Веда ещё раз оглянулась на наш двор перед уходом.

Глава 7. Шесть мест на земле

У ворот лечебницы нас заставили убрать ящики, прежде чем разрешили начинать. Риана Велл везла пустую тележку, одно колесо которой задевало выступ у столба. Ремис поднял свой чехол, я оттащила сумку. Дарен взял дальний ящик и переставил к стене. Только после этого Риана провела тележку между нами.

— Обратно будет человек, — сказала она. — Оставьте этот край свободным.

Я посмотрела на проход: его хватало с большим запасом, пока мы не внесли инструменты. На схеме я отметила ширину между столбами, но не то, сколько места занимают две чужие сумки, когда люди уверены, что уберут их в любую минуту.

Фарен Дос дождался, пока Риана свернёт во двор. Руководитель аварийной службы оказался невысоким, широким в плечах мужчиной с неровной линией волос над левым ухом. Он пришёл в рабочей куртке, на которой под одним локтем была пришита плотная накладка. Поздоровавшись, сразу спросил, кто отвечает за ящики и куда мы собираемся отойти, если появится вторая тележка.

Я назвала место под навесом. Фарен велел перенести вещи туда сейчас. После этого можно было говорить об осмотре.

Дарен стоял у стола с Талией Серн. Они сверяли приглашение, которое он получил накануне: помощь с нагрузочным макетом и наружными связями, два неполных дня. По окончании ему должны были заплатить за эти часы из средств на обследование. Я слышала, как Талия уточнила время его завтрашнего урока. Они договорились закончить до него; никакого молчаливого согласия забрать у Дарена весь день не было.

Я поймала себя на желании подойти и объяснить, что он вчера плохо спал. Остановилась возле своих схем. Если Дарен собирался менять работу из-за ночи, он мог сказать об этом сам. Сейчас он спокойно осматривал крепление, а я собиралась сообщить о нём больше, чем сообщала бы о себе.

Талия развернула городскую карту на переносном столе. Ремис принёс копию из дела Тейна. На первый взгляд это был один и тот же участок, но на городской карте возле бывшего лебёдочного двора стоял косой штрих и слово «снято». На втором листе Н-6 оставался одним из шести мест.

— Сегодня идём по тому, что можем увидеть, — сказал Фарен. — Под землю без подготовки не лезем. Ни один проход не закрываем ради удобства осмотра.

— И не включаем общий режим, — добавила Талия.

Он взглянул на неё.

— Я его и не назначал.

— Я уточняю для записи.

Она поставила пометку. Между ними не было согласован-

ной мягкости; каждый отвечал за свою часть и не хотел потом вспоминать, подразумевалось ли очевидное.

У ворот старое устройство пряталось за боковой стенкой. Я прежде видела только наружную отметку, по которой служба проверяла местный запас. Теперь Фарен открыл служебную дверцу, и стала видна широкая подготовленная полоса. Рядом шла другая, тоньше, уходившая в отдельный паз. Я присела, но сразу остановилась: для обзора пришлось бы занять тот самый край, по которому Риана вела тележку.

Дарен подвинул мне короткую скамью с другой стороны. С неё я могла смотреть, не загораживая проход. Он ничего не сказал; я встретилась с ним взглядом и села.

— Вот эту я хочу проверить отдельно, — сказала я Талии, показывая узкую полосу. — Внизу, у Иллен, отметка отвечала, хотя лампа была исправна и не соединялась с ней рисунком.

Талия наклонилась рядом.

— Ответ отметки был устойчивый?

— Дважды, пока мы смотрели. Потом ещё раз, когда оправа уже была снята. Снимали показание отдельно, в старый путь ничего не подавали. Ремис записал.

— Правильно.

Фарен открыл ещё одну дверцу, ниже. Там находилась механическая защёлка, покрытая старой смазкой. Она двигалась тяжело, но не заедала. Он дал нам посмотреть, затем вернул её в прежнее положение.

— При общем защитном режиме створка удерживается закрытой. Раньше это было нужно. Сейчас через неё возят больных и воду. Одной новой лампой тут дело не ограничивается.

Я услышала в его голосе предупреждение, адресованное мне, хотя не предлагала ничего менять. Может быть, он видел достаточно мастеров, уверенных, что поняли устройство по одному открытому кожуху. Мне было неприятно оказаться среди них ещё до первой ошибки.

— Я хочу узнать, что связано, — ответила я. — Не снять защиту.

— Тогда не торопитесь называть лишней ту полосу, которой не было на вашей схеме.

Он произнёс это без злости. Перевёл взгляд на Дарена, тот кивнул. Я почувствовала себя одинокой рядом с двумя людьми, которым не требовалось объяснять друг другу цену неверного переключения. Опять возникла старая обида: будто мой вопрос приняли за готовность немедленно всё сломать. Я выпрямилась и открыла тетрадь, чтобы хотя бы на бумаге закончить вопрос раньше, чем защищаться.

— Мне нужны два обозначения, — сказала я Талии. — Что приносит запас и что меняет положение. Пока мы называем всё связью, я не понимаю, какое ограничение относится к моей работе.

Талия взяла карандаш. Вместо ответа провела на моём листе две линии и подписала одну: «резерв». Другую: «коман-

да».

— На месте ещё проверим. Но вопрос верный.

Фарен подождал, пока я перепишу обозначения. Потом позвал нас к нижнему переходу. У лечебницы всё закрыли в прежнем состоянии; Ремис проверил дверцу. Только после этого мы забрали вещи из-под навеса.

На остальных местах названия быстро перестали быть одинаковыми кружками. У рынка запас питал старое сигнальное устройство; возле складского двора к основанию подходили более поздние крепления. На пристани местная работа была связана с водяным подъёмом и створкой служебного прохода. Каждый раз находился человек, для которого наше «ненадолго посмотреть» означало отложить перевозку, переставить товар или остаться у двери вместо обеда.

К Н-6 мы дошли последними. Двор был закрыт. Через решётку видно было пустое место, где прежде стояла лебёдка, и каменное основание у стены. Ремис показал косой штрих на городской карте. Фарен не стал спорить с записью, но и повторять «всё снято» не стал.

— Верх снят, — сказал он после паузы. — На остальное назначим отдельный доступ.

Я вспомнила, что Керис выразился почти так же. Пока это было единственное, в чём они оба совпали. Мы записали, что внутрь не входили, и пошли обратно. Под каблуком у меня промокла подкладка; последнюю улицу я старалась наступать на сухие края плит, хотя это уже ничего не меняло.

***

Вечером Дарен не взял книгу. Сел на кровать, снял сапоги и оставил их там, где поставил, не сдвигая к стене. Я принесла сухую ткань для его волос: на обратном пути дождь всё-таки начался. Он поблагодарил, провёл ею по голове и задержал руки у лица.

— Мне сегодня лучше без разговоров про узлы, — сказал он. — Можно?

Я стояла у двери с чашкой, которую собиралась поставить ему на стол.

— Конечно.

Он услышал что-то в моём голосе и поднял глаза.

— Ты хотела поговорить?

— Хотела спросить, почему ты кивнул Фарену. Но не сегодня.

Дарен отложил ткань.

— Я согласен, что нельзя торопиться с разрывом. Это не значит, что твой вопрос был лишним.

— Я знаю.

Я знала это головой ещё у ворот, а всё равно несла домой маленькое желание, чтобы он встал на мою сторону раньше, чем выяснит, есть ли вообще стороны. От признания стало жарко. Я поставила чашку на подоконник, села рядом и попросила подвинуться.

Он лёг, оставив мне место. Я устроилась на боку, положила ладонь ему на грудь. Сквозь рубашку чувствовалось, как

постепенно замедляется дыхание. За дверью большой комнаты было тихо: чужих сумок больше не было, постель гостей стояла сложенной у стены, и наше пространство опять принадлежало только нам. После Вединого голоса оно казалось слишком большим.

— Я не хочу, чтобы у нас вся осень прошла между этими воротами, — сказала я наконец.

Дарен посмотрел на меня.

— Не только между ними.

— На прошлой неделе мне казалось, что мы выбрали два дня для семьи и этого достаточно. А потом они уехали. И дни тоже.

Он не ответил сразу. Я слушала улицу: кто-то катил бочку, деревянный обод неровно стучал по плитам. Хотелось отодвинуть звук, чтобы стало по-настоящему спокойно, но бочка всё равно должна была доехать до своего двора.

— Я сегодня по дороге думал, что завтра у меня урок, — сказал Дарен. — И обрадовался. Не потому, что не хочу помогать вам. Просто там я знаю, чего жду от дня.

Я провела ладонью по складке его рубашки.

— А сейчас?

— Сейчас хочу полежать с тобой. Без того, что будет потом.

Я придвинулась, устроила голову у его плеча. Он закрыл глаза. Я не пыталась по дыханию определить, уснул ли он; от такого внимания моё присутствие иногда превращалось

в дежурство, и мне самой становилось тяжело. Смотрела на тёмную дверцу шкафа, пока её очертания не расплылись в полумраке.

Мы долго лежали молча. Нога у меня затекла, пришлось перевернуться. Дарен потянул за край одеяла, накрывая мне ступни, и я наконец позволила себе не отвечать заботой на каждое его движение. Лишь поцеловала тёплую кожу у воротника. Он прижал меня ближе.

Когда мы встали, чай был холодным. Я выпила его у окна, а Дарен поставил сапоги сушиться и занялся ужином. Ели поздно, не разбирая день. Перед сном я открыла зелёную тетрадь, подаренную Ведой, и записала название картины с женщиной на просёлке. Больше ничего. Дарен спросил, что я пишу. Я показала ему одну строку, и он лёг рядом, не пытаясь придумать для меня следующую.

***

Наутро Талия принесла маленький контрольный набор и согласованное Фареном задание на пробы. Набор не походил на устройство, которым можно было бы сдвинуть ворота: неглубокий футляр, две узкие отметки, запас, заранее ограниченный для проверки. Фарен всё равно сначала проверил проход и людей на местах. Один его работник оставался у лечебницы; Ремис должен был видеть местную отметку у перехода. О любых движениях рабочих частей следовало сообщать сразу и прекращать проверку.

Дарен поставил на стол нагрузочный макет. Тот самый де-

ревянный, но без яркой шерсти. Я узнала его и улыбнулась прежде, чем посмотрела на Дарена. Он заметил, коротко коснулся пальцами моей руки и вернулся к креплению.

Мы начали у Н-2. Лампа над переходом оставалась в обычном состоянии, её собственный рисунок Талия проверила отдельно. Внешний контроль ставили на доступную старую отметку; никто не соединял его с моей оправой. Я видела, как Ремис сверяет запись прошлого осмотра с новым показанием.

При слабом сигнале одна метка в наборе изменила оттенок. Местный запас при этом не стал больше. Талия повторила пробу после паузы. Затем дала мне посмотреть два показания рядом.

— По этой связи приходит распоряжение, — сказала она. — Не запас для вашей лампы. Но это ещё не вся ветвь.

Мне захотелось сразу дорисовать узкую полосу до следующего кружка. Я поставила карандаш и остановилась. Мы видели отклик здесь. Чтобы провести линию дальше, нужно было увидеть его там, а не просто хотеть, чтобы карта наконец стала понятной.

Посыльный вернулся от лечебницы с записью: контрольная отметка ответила, створка оставалась неподвижной. Фарен прочитал, спросил время и велел прекратить повтор. Дарен уже снимал макет со стола.

— Нам хватило? — спросила я.

— Для вывода, что есть общая командная связь, — отве-

тила Талия. — Для вывода, куда она проходит целиком, нет.

— Тогда давайте продолжим у пристани.

Фарен покачал головой.

— Сначала сопоставим то, что получили. У пристани сейчас разгрузка. Мы обещали не мешать ей.

Я посмотрела на воду между домами. Там действительно двигалась высокая мачта; баржа подходила к месту. С нашего стола разгрузка казалась далёким медленным делом, которое могло подождать. Для тех, кто стоял на мокрых досках с верёвками, вероятно, таким далёким делом были мы.

Фарен заметил мой взгляд.

— После налёта здесь оставили один закрытый проход. Все знали, как открыть, но человек с ключом ушёл за помощью. Носилки пришлось нести вокруг квартала. Поэтому я спрашиваю про проход раньше, чем про ваши отметки.

Он не стал рассказывать, кого несли. Я перестала воспринимать его осторожность как недоверие лично ко мне. На новой карте возле ворот появился не только номер, но и маленькая пометка о ручном доступе, которую я раньше считала заботой другой службы.

К полудню разрешённые пробы закончились. Дарен ушёл на урок, унеся свой макет. Я осталась с Талией переносить результаты. Шесть кружков больше не соединялись одной уверенной чертой. На части линий появились вопросы, на других — подтверждённые направления. Н-6 мы обвели незамкнутым кругом: осмотра ещё не было.

Ремис свернул городской план и задержал мой лист под ладонью.

— Такой людям не показывайте без объяснения. Увидят вопросы, решат, что всё неисправно.

— А если убрать вопросы, решат, что мы всё проверили.

Он подумал и попросил добавить дату и границу сегодняшнего осмотра. Я подписала, что новые лампы работают отдельно, обследование старых связей не закончено. Ремис снял ладонь, прочёл и кивнул.

В мастерскую я вернулась с двумя картами. Одну повесила над своим столом, вторую убрала в папку для Весты. Тесса за соседним верстаком показывала покупательнице, как вынимать маленькую чашу, не тянуть за тонкий край. Я подождала, пока они закончат. Потом взяла со своего стола недоделанную оправу и закрепила её в тисках.

Глава 8. Людям тоже нужно место

На листе у Дарена стояло шесть имён. Он принёс его домой накануне, положил возле хлебницы и с утра уже дважды перечитал. Я знала некоторых из тех, кто хотел учиться: одного видела у пристани, другой приходил к Орену спрашивать, где можно получить допуск к работе со щитовой кассетой. Шесть человек могли составить новую группу.

— Это хорошие деньги? — спросила я.

Дарен не стал прятать лист. Подвинул ко мне расчёт: плата за занятия, найм двора, учебный материал. Внизу оставалось меньше, чем я ожидала, но всё равно достаточно, чтобы быстрее собрать на поездку.

— Если все дойдут до конца и не придётся отменять, — ответил он.

Я прочла часы. Третий вечер занял бы время после осмотров, которые уже начали отнимать у него дни. Между работами оставались промежутки, и я невольно стала заполнять их: здесь можно поесть раньше, здесь подготовить листы утром, здесь я сама куплю нужное.

— Ты сейчас составляешь мне неделю? — спросил Дарен.

Я подняла голову.

— Да. Прости.

— Я тоже составлял. Вчера. Получилось, что всё можно, если ничего не случится и я ни разу не устану.

Он взял карандаш и перечеркнул время для третьей группы. Имена оставил.

— Откажешь?

— Предложу ждать места в следующих наборах. Или искать другого преподавателя. Они ещё не платили.

Я хотела сказать, что мы не нуждаемся в этих деньгах, но это было бы неправдой. Деньги всегда находили применение раньше, чем попадали в дом. Мне нравилось, что Дарен мог зарабатывать своим делом, и нравилась мысль о свободной поездке. Отказ оставлял оба желания на месте, только заставлял признать срок.

— Я могу взять один обычный заказ после нынешних, — сказала я.

Он посмотрел на меня так внимательно, что я сама услышала, во что превращаю его решение.

— Не вместо тебя, — добавила я. — Если захочу и останется время.

Дарен кивнул. Перенёс расчёт в свою комнату, вернулся и сел рядом со мной, хотя хлеб был уже нарезан, а сумки собраны. Я прислонилась к его плечу. Мы ещё могли задержаться на четверть часа. Сегодня эту четверть часа не требовалось ни у кого отнимать.

***

В Доме возвращения лампа стояла слишком низко. Её поставили так, чтобы легче было менять чашу, но свет бил прямо в глаза человеку на дальней скамье. Когда я вошла, пожи-

лой мужчина сидел, прикрыв лицо ладонью. Женщина рядом с ним читала письмо, поднося лист почти к самому окну. На одной маленькой площадке одним было светло сверх меры, другим не хватало.

Мне хотелось сразу передвинуть прибор. Я даже подошла к тумбе, прежде чем вспомнила, что сначала надо спросить, почему его поставили здесь. Дежурная объяснила: прежнее место занимала вешалка, которую перенесли ради прохода; у другой стены лампу задевали локтями. Мы вместе посмотрели на узкую комнату. Всё в ней было поставлено с какой-то разумной причиной, а людям по-прежнему приходилось тесниться.

Я попросила снять мерки с боковой полки и проверить, выдержит ли она небольшой закрытый кронштейн. Для нынешней лампы можно было сделать отражающий кожух, но это не решало вопроса с тенями. Я записала оба варианта, не называя дешёвый достаточным только потому, что денег здесь почти наверняка не хватало.

Мужчина на скамье опустил руку, когда я заслонила прямой свет листом плотной бумаги. Он поблагодарил. Я подержала лист, пока дежурная искала временную ширму. Дольше обычного стоять с поднятой рукой оказалось неприятно; рубец потянул, и я передала бумагу ей. Она подставила ширму, не касаясь горячих частей, и мы отошли посмотреть. Читать у окна всё ещё приходилось при дневном свете, но мужчина больше не щурился.

Мерет Сальвен вышла из дальней комнаты, проводила посетительницу до двери и только потом подошла ко мне. Я заметила, что она вымыла руки: на тёмном рукаве оставались две мокрые полосы. Лицо было усталое, голос обычный.

— Нашли, что мешает?

— Место. Прибор можно закрыть с этой стороны, но лучше поднять и повернуть. Сначала проверю стену. Кто одобряет расходы?

— Пока я только собираю стоимость. Лисандра будет после полудня.

Я показала набросок. Мерет посмотрела, спросила, останется ли достаточно света у двери в сумерках, и сказала, что сегодня у неё до обеда люди. Разговор пришлось закончить. Я не стала задерживать её вопросом о Дарене, который возник сам собой от знакомого имени на двери. Он приходил сюда отдельно, и мне не принадлежало время, которое он проводил за этой дверью.

Дарен появился позже, когда я уже закончила обмер. Не прошёл в дальнюю комнату, а сел возле окна с двумя другими посетителями. Они обсуждали будущие часы открытого приёма. Я слышала его голос, но не весь разговор: дежурная показывала мне верхнее крепление, и я занялась им.

Когда он подошёл, я стояла на нижней ступени лестницы. Дарен придержал её по просьбе дежурной. Я проверила край старой пробки и спустилась.

— Ты сегодня к Мерет? — спросила я.

— Не на встречу. Она попросила тех, кто бывает здесь вечером, сказать, какие часы нельзя переносить без предупреждения.

— Ты смог объяснить?

— Да. У одного человека вечерняя смена, ему нужно утро. У меня наоборот. Пока не выбрали.

Он посмотрел на мою ладонь с крошками старого раствора.

— Ещё надолго?

— До расчёта. Потом к Лисандре.

— Тогда я пойду. Увидимся дома.

Мне захотелось задержать его хотя бы до общего обеда. Но он пришёл сюда со своим делом и уже закончил. Я кивнула и сняла с его плеча нитку, зацепившуюся от лестничной обвязки. Он поцеловал меня в висок, прежде чем выйти на улицу. Дежурная в этот момент складывала бумагу и не сделала вид, что ей непременно надо отвернуться.

***

Лисандра Весс пришла с Кайлой Рейн. Для разговора освободили стол в небольшой комнате, где хранили запасные одеяла. На одном стуле лежали чистые наволочки; я перенесла их на полку и поставила перед собой расчёт освещения. Мерет задерживалась. Кайла предложила начать с тех расходов, которые не касались лечения.

Я назвала цену двух вариантов и объяснила разницу. Лисандра попросила разбить работу на то, что можно сделать

сейчас, и то, что потребует нового крепления. Я уже собиралась согласиться на временный кожух, когда она остановила меня.

— Не выбирайте за нас более дешёвый. Запишите, сколько он прослужит и что останется неудобным.

Мне стало легче. Я дописала срок и положение света у окна. Когда пришла Мерет, она посмотрела обе строки, выбрала временную меру только до осмотра стены и отложила окончательную оплату до согласования. Я не получила заказ одним кивком, зато не пришлось обещать хороший свет там, где можно было лишь убрать блик.

Потом речь зашла о зимних часах. Я хотела уйти, но Лисандра попросила остаться до разговора о смете: часть расходов на освещение могла попасть в тот же ближайший платёж. Мерет убрала лист с именами посетителей в закрытую папку. На столе остались только часы и суммы.

Кайла развернула общий расчёт. В отдельной строке стоял резерв под тысячу восемьсот марок старого требования. Я узнала число раньше, чем поняла, что оно делает рядом с платой за дрова и работой Дома возвращения.

— Вы собираетесь взять это здесь? — спросила я.

Кайла посмотрела на меня, затем придвинула лист так, чтобы я видела всю страницу.

— Нет. Здесь несколько программ. Я показываю, какие деньги уже обещаны, какие поступления ждём и что случится, если старый долг потребуют целиком в ближайший срок.

Одни и те же поступления нельзя записать всем.

Я прочла соседние строки. Там были ремонт крыши на другой улице, вода, небольшие выплаты за восстановленные помещения. Люди, которых я не видела в комнате, тоже уже рассчитывали на эти деньги.

— Тейн не согласился на часть, — сказала Лисандра. — Пока. Это не значит, что его условие уже принято. Но считать, будто требования не будет, мы не можем.

Мерет положила перед Кайлой свой лист.

— Вот минимум, ниже которого работа станет другой. Можно сократить одну закупку и отложить переделку комнаты. Но если убрать два приёма, это не просто два пустых часа. У людей останется один день, в который они могут прийти после работы.

— А если перенести на утро?

— Для части можно. Мы сегодня спрашивали. Для части — нет.

Кайла отметила что-то карандашом. Она не спорила с каждым словом Мерет, но и не соглашалась сразу. Спросила, сколько времени уходит на подготовку комнаты, что оплачено вперёд, можно ли разделить часы между двумя специалистами. Мерет отвечала сначала ровно, затем медленнее: чтобы пересчитать третью строку, ей пришлось вернуться к началу.

Я вспомнила, как хотела предложить городскому осмотру чужое зерно. Теперь возникло другое удобное желание:

пусть Тейн просто подождёт, потому что эти люди важнее. Я видела человека в мастерской, которому задолжали за старую работу. Для него ожидание длилось уже годы. Ничего от этого не становилось менее несправедливым, только невозможно было раздать справедливость из одной папки.

— Я могу сделать кожух без платы за работу, — сказала я.

Мерет поблагодарила, но Кайла попросила не вычёркивать цену.

— Отметим ваш вклад отдельно, если вы так решите. На следующую замену нужно понимать настоящую стоимость.

Я посмотрела на свой расчёт. Это была небольшая работа, которую я действительно могла подарить.

— Один кожух, — уточнила я. — Не всё обслуживание.

Лисандра записала именно так. Материал оставался платным; мастерскую без моего согласия не включали в постоянную бесплатную помощь. Мерет вернулась к своим часам.

К концу разговора ближайшие недели сохранили без сокращения приёма. Для дальнейшего срока Лисандра забрала защищённый минимум и список того, что можно передвинуть. Новую комнату пока не расширяли; о крыше и общем резерве предстояло говорить отдельно. Кайла не объявила вопрос решённым, но дата следующего расчёта появилась на листе, и люди, работающие здесь, хотя бы знали, до какого числа их часы оплачены.

Когда она ушла, Мерет некоторое время сидела, положив руки на стол. Я собирала свои мерки медленнее, чем нуж-

но. Хотелось спросить, как она выдерживает такие разговоры после целого утра с людьми. Вместо этого я спросила, не принести ли ей воды.

— Принесите, пожалуйста. И дверь оставьте открытой. Через пять минут снова придут.

Я сходила за кружкой. Мерет выпила половину, поблагодарила и убрала расчёт в ящик. Никто не мог подарить ей долгий отдых прямо сейчас. Я оставила дверь открытой, как она просила, и вышла через маленькую комнату, где человек на дальней скамье уже читал при новом положении временной ширмы.

***

На следующий день Нилан положил передо мной лист с учебными часами. Он ждал, пока я освобожу край стола, и держал бумагу так осторожно, что я сначала решила: принёс готовый допуск. Но вверху стояло только начало курса.

— Вторая половина дня, — сказал он. — Дважды в неделю. Один раз совпадает с вашим днём, другой с артельным.

Я посмотрела на его пальцы. На костяшках оставались следы обычной работы, ноготь большого пальца был надломлен. Учиться сложным соединениям он собирался не вместо жизни, в которой можно отдыхать сколько нужно; часы придётся откуда-то взять.

— С Ореном говорил?

— Да. Он отпустит, если заранее перенесём часть сборки. Но вечером после занятий я приходить не смогу.

— Я и не собиралась просить вечером.

Нилан отвёл глаза. Видимо, мы оба помнили, как часто лишняя работа возникала не в просьбе, а в моём присутствии у верстака после закрытия.

Я достала нашу тетрадь часов. Рядом лежал заказ на несколько малых креплений, и первой мыслью было перенести его на Тессу. Я подняла голову. Она работала у окна над собственной серией, положив рядом мерку и маленькую стопку оплаченных заявок. Спросить можно было; записать за неё — нет.

— У тебя есть время взять часть сборки? — спросила я.

Тесса подошла, прочла заказ.

— Две штуки. Не пять. У меня покупатель в конце недели.

— А если я подготовлю посадку?

— Тогда три. Четвёртую всё равно не возьму, я обещала.

Тесса вернулась к своему столу, а мы с Ниланом остались над настоящим остатком работы. Я могла увеличить его часы в другие дни, но тогда учёба превратилась бы в добавку к прежней неделе. Вместо этого перенесла срок двух креплений и оставила себе подготовку. Заказчику надо было сообщить сегодня, не тогда, когда он придёт за готовым.

Мы пересчитали плату. Нилан будет меньше получать за мастерскую, пока не появится работа, которую он сможет делать с новой подготовкой. Я спросила, учёл ли он это. Он вынул второй лист, с собственными расходами, но не развернул передо мной целиком.

— На первый срок хватит. Потом посмотрю.

— Хорошо. Если график изменится, говори сразу. Не пытайся потом отработать всё ночью.

Он кивнул. Я тоже поставила подпись под новым расписанием, чтобы оно не осталось личной просьбой, о которой можно забыть в загруженную неделю.

После обеда пришёл человек за креплениями. Я объяснила перенос до того, как взяла задаток. Он был недоволен, спросил, не могу ли я сделать хотя бы одну пару к прежнему сроку. Мы выбрали ту, которая действительно нужна ему первой. Остальное он согласился подождать. Разговор занял несколько неприятных минут, но когда дверь за ним закрылась, мне не пришлось гадать, чего он ждёт.

Нилан собирался уходить. На его первом учебном листе был нарисован знакомый узел с тремя ветвями. Он смотрел на него, придерживая сумку на плече, и я спросила, что непонятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.